

★ Владимир ПЕРШАНИН ★

«ЗВЕРОБОИ» ПРОТИВ «ТИГРОВ»

**САМОХОДКИ,
ОГОНЬ!**

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Владимир Першанин
**«Зверобои» против
«Тигров». Самоходки, огонь!**

«Яуза»

2013

Першанин В. Н.

«Зверобои» против «Тигров». Самоходки, огонь! /
В. Н. Першанин — «Яуза», 2013 — (Война. Штрафбат. Они
сражались за Родину)

НОВЫЙ роман от автора бестселлеров «Штрафник, танкист, смертник» и «Командир штрафной роты». Переломные сражения Великой Отечественной через прицелы самых могучих советских самоходок. Фронтная правда сталинских «зверобоев», выбивавших немецкие «Тигры» и «Пантеры», ценой собственных жизней истреблявших гитлеровский «зверинец»...
Огненное лето 1943 года. Вермахт планирует вернуть себе стратегическую инициативу, сломав хребет Красной Армии на Курской дуге. Немцы бросают в бой новейшую бронетехнику – тяжелые танки Pz.V Panther и Pz.VI Tiger, сверхмощное штурмовое орудие Ferdinand. Гитлеровцы уверены, что русским нечего противопоставить бронированным монстрам Панцерваффе. Однако такой соперник нашелся – это были наши тяжелые самоходки Су-152, чьи снаряды поражали любые немецкие танцы на любой дистанции, а отчаянные экипажи заслужили почетное прозвище «ЗВЕРОВОИ»...

© Першанин В. Н., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Глава 1. Курская дуга, июль 1943 года	6
Глава 2. Первый круг войны	21
Глава 3. Окружение	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владимир Першанин «Зверобои» против «Тигров». Самоходки, огонь!

©Першанин В.Н., 2013

©ООО «Издательство «Яуза», 2013

©ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1. Курская дуга, июль 1943 года

Танковый батальон с десанниками занял исходные позиции еще до рассвета. Батарея тяжелых самоходно-артиллерийских установок СУ-152, три машины с массивными рубками и шестидюймовыми орудиями стояли поодаль.

Самоходкам с их мощным вооружением предстояло поддерживать атаку танкового батальона. Командир СУ-152 с бортовым номером «04» младший лейтенант Чистяков был закреплен за первой танковой ротой, вторая машина – за второй, а командир батареи капитан Пантелеев находился в распоряжении комбата танкового батальона.

По-разному вели себя люди в этот последний час перед атакой. Танкисты и самоходчики, чтобы отвлечься от невеселых мыслей, копошились в своих машинах, проверяли механизмы, натяжение гусениц, протирали снаряды.

Десантники, которым предстояло наступать на броне, хорошо знали на третьем году войны процент боевых потерь во время танковой атаки. Он был очень велик. На бронетехнику обрушивался наиболее интенсивный огонь.

Пехотинцам, сидящим на танках, укрыться было негде. Покидать машины до определенного сигнала категорически запрещалось, а когда десант получал такой сигнал или, не выдержав, спрыгивал по своей инициативе, то непременно попадал под артиллерийский и пулеметный обстрел. Поэтому настрой десантников был мрачным. Они молча курили, изредка перебрасываясь отдельными фразами.

Капитан первой танковой роты Сенченко, напротив, был излишне возбужден. Он теребил подчиненных, что-то проверял, а сейчас в очередной раз подошел к самоходке Чистякова.

– Ты, Саня, поближе держись. Сам знаешь, какая у фрицев артиллерия. Да еще эти чертовы доты.

– Не бойся, не отстану.

– Бойся – не бойся, а драка будет знатная.

Оба лейтенанта, старший и младший, были чем-то похожи друг на друга, и даже волосы у обоих были светлыми. Только у Сани Чистякова белокурые, коротко стриженные, а у старшего лейтенанта Петра Сенченко торчал из-под танкошлема соломенный бело-рыжий чуб.

– Курнем еще по одной? – предложил ротный.

– Курнем, – без особой охоты согласился Саня.

Ночью он почти не спал, а во рту горчило от бесчисленного количества выкуренных сигарок и папирос. Завтрак, пшенку с мясом, разносили полчаса назад. Десанникам наливали по сто граммов с прицепом. Кое-кто закусывал, но большинство отказывались, следуя давней солдатской мудрости – идти в бой с пустым брюхом.

Танкисты и самоходчики не пили. Водка притупляла реакцию, уменьшая и без того невеликие шансы выжить в бою. Саня невольно зевнул. Не потому что хотелось спать, просто нервы не выдерживали напряжения самых тяжелых минут перед атакой.

Началась артподготовка. Не сказать, чтобы слишком мощная – бои на Курской дуге шли уже вторую неделю. Их масштаб и жесточенность, пожалуй, превосходили даже Сталинград. Под раскаленным июльским солнцем столкнулись в гигантской схватке сразу несколько армий и с той, и с другой стороны.

Люди, напряженно ждавшие сигнала к атаке, оставались до этого дня в резерве. Сегодня наступил их черед. Позади равномерно ухали гаубицы, вели огонь тяжелые минометы. Отступающие сумерки осветили десятки огненных стрел. Заработали «катюши», и вой летящих реактивных снарядов перекрыл на несколько минут все остальные звуки.

Пронеслись тройками десятка полтора штурмовиков Ил-2 в сопровождении истребителей. Впереди взрывались авиабомбы, затем ракеты, а когда штурмовики на третьем заходе открыли огонь из авиапушек и пулеметов, в небо взвились зеленые ракеты – сигнал атаки.

Тронулись танки с десантом. Механик-водитель самоходки Чистякова старший сержант Лученок не торопился, двигатель работал на холостых оборотах. Он ждал, когда «тридцатьчетверки» наберут ход, а еще наблюдал за машиной капитана Пантелеева, которая стояла на месте рядом с Т-34 командира танкового батальона.

Тимофей Лученок был по возрасту старше всех в экипаже Чистякова. За последние месяцы, пока лечился в госпитале под Челябинском, комплектовался самоходно-артиллерийский полк, а затем находились в резерве, старший сержант успел отвыкнуть от войны. Что такое танковая атака и чем она обычно кончается, он знал как никто в экипаже.

Начал воевать еще в декабре сорок первого, на легком Т-26, затем на «тридцатьчетверке», дважды успевал выпрыгнуть из горевших машин. Накопил немалый опыт и одновременно заряд раздражения. Никогда не ожидал на гражданке, что в танковых сражениях несут такие потери, горят заживо, а слова о том, как «летели наземь самураи под напором стали и огня», казались не очень умной насмешкой. Может, самураи и летели, но горят знаменитые «тридцатьчетверки» хорошо и напора пока не получается.

– Двигай помалу, – скомандовал Чистяков. – Чего ждешь?

– Успеем... Вон, Пантелеев пока на месте стоит и танковый комбат тоже.

– Будем ждать, пока нас в задницу не подтолкнут?

Механик скрежетнул рычагами, самоходка тронулась с места. Штурмовики впереди продолжали обстреливать немецкие позиции. С земли, навстречу им, тянулись трассы зенитных 20-миллиметровок и крупнокалиберных пулеметов. «Тридцатьчетверки» увеличили ход. Лязгание множества гусениц сливалось с ревом моторов, заполняя все вокруг сплошным грохотом.

– Рвутся, как голые на бабу, – бурчал Лученок. – Мы же их не догоним.

Наводчик Коля Серов вытирал с лица пот, вглядываясь вперед. Уже рассветало. Виднелась бугристая степь с островками кустарника и кучками деревьев. Заряжающий Вася Манихин напряженно замер. На чумазом лице сверкали белки глаз. Над головами пронеслись в обратную сторону штурмовики и сопровождающие их истребители.

– Отбомбились, отстрелялись за пять минут. Все, победили фрицев. Можно водку пить.

Бурчание механика все больше раздражало Чистякова, но он смолчал. Лученок был опытным специалистом, да и по отзывам тех, кто его знал, в бою держался уверенно. Затрещала рация. Саню вызывал командир батареи Пантелеев:

– Все в порядке?

– Пока да, – отозвался младший лейтенант. – Фрицы, кажись, огонь открыли.

– Удачи. От коробочек не отставай.

Рация замолчала. Десять танков впереди, пока еще полная рота, на быстром ходу описывали зигзаги, уходя от первых, выпущенных издалека, снарядов. Может, передовые позиции раздолбили? Врезали по ним хорошо.

– Есть один, – негромко проговорил наводчик Коля Серов.

Впереди колыхались языки огня. Через несколько минут прошли мимо горевшей «тридцатьчетверки». Башенные люки были открыты. В сторонке сидели двое танкистов и наблюдали, как огонь все сильнее охватывает машину. Со стороны могло показаться странным. Сидят двое, как зрители, и ждут, когда взорвется танк с двумя другими ребятами из экипажа. Боятся к машине подойти?

Страх наверняка присутствовал, но сделать они ничего не могли. Скорее всего были контужены, а метаться и что-то предпринимать (даже если бы хватило сил) не имело смысла. Горящую машину они потушить все равно бы не сумели. Уходить в тыл танкисты тоже не торопи-

лись. Сидели и чего-то ждали. Возможно, санитаров, а может, прощались с товарищами, не сумевшими выбраться из подбитого танка.

Рванули боеприпасы. Башня «тридцатьчетверки» скovyрнула на землю, жгутом взвился язык пламени. Остальные танки вели беглый огонь из пушек. Не слишком эффективный. Скорее «для поддержки штанов», как бы выразился комбат Пантелеев.

На быстром ходу и виражах целиться трудно, но и останавливаться для точного выстрела, даже на секунды, опасно. Однако беспорядочная стрельба и пулеметные очереди придавали экипажам уверенность. Пехота уже спрыгнула с брони и бежала, невольно сбиваясь в кучки. Их подгоняли командир десантной роты и взводные.

Над передовой линией немецких траншей висела пелена дыма и пыли, что-то горело. По ней хорошо прошла артиллерия и штурмовики. Но в разных местах уже сверкали оружейные вспышки, неслись разноцветные пулеметные трассы. Набирал силу минометный обстрел, который не так опасен для танков, как для пехоты.

Уцелевшие артиллерийские наводчики вытащили наверх свои цейсовские перископы, и с закрытых позиций летели гаубичные снаряды. Они вели отсечный огонь, поднимая целый часток взрывов, сквозь который предстояло прорваться.

Снаряды немецких «стопяток» были опасны для танков в случае прямых попаданий. Но кроме этих гаубиц вели огонь шестидюймовые дальнобойные орудия. Фугасы весом сорок с лишним килограммов взрывались с оглушительным грохотом, вздымая фонтаны земли, сметая деревья и целые островки кустарника.

Их осколки с легкостью могли перебить гусеницу, а на небольшом расстоянии проломить боковую броню. Но если гаубичный огонь был не слишком прицельным и многое зависело от случайности, то уцелевшие противотанковые пушки калибра 75 миллиметров били довольно точно, выпуская десяток снарядов в минуту.

Пока им мешала целиться дымная пелена и разрывы гаубичных снарядов, но когда «тридцатьчетверки» выйдут на прямую видимость, танкам придется туго. Чистяков уже хорошо различал эти вспышки. Дернулся и остановился танк метрах в двухстах впереди.

– Дорожка! – хрипло скомандовал Саня.

Лученок мгновенно затормозил, и Коля Серов с короткой остановки сделал первый выстрел. Самоходка сорвалась с места, в открытый люк вылетела дымящаяся гильза. Заряжающий Вася Манихин уже дослал новый снаряд, а следом гильзу с мешочками пороха.

– Надо осколочными. Ты колпачок свинтил? – спросил Чистяков.

– Нет, – нащупывая крепкими мускулистыми руками новый снаряд, отозвался Манихин. – Ты же не сказал.

– Следующий – осколочный.

– Ясно.

Самоходку резко встряхнуло. Радист Костя Денисов слетел со своего места. Наводчик Серов ударился головой о казенник орудия.

– Мать его... так и убить могут.

– Гаубичный фугас сработал.

Лученок гнал на полной скорости. По броне что-то лязгнуло, машину снова трянуло. Механик заложил вираж, следом другой.

– Поздновато ты крутнулся, едва снаряд не словили, – чертыхался старший сержант Серов. – Гляди вперед.

– А я куда гляжу? – огрызнулся второй старший сержант экипажа, механик Лученок, который считал себя главным в экипаже после командира.

Шарахнули фугасом еще по одной вспышке. Можно сказать, наугад. А когда перезаряжали орудие (всего-то десяток секунд), отчетливо разглядели в капонире «гадюку», длинноствольную приземистую пушку, калибра 75 миллиметров.

– Быстрее! – заревел на заряжающего Тимофей Лученок. – Щас влупит.

Но «гадюка» ударила в Т-34, вырвавшийся вперед. Угодила точно в башню, мгновенно полыхнул кумулятивный заряд. Машина задымила, но рывками продолжала двигаться. Немецкие артиллеристы, зная, что с русским танком покончено, уже вели ствол по горизонтали, прямо в самоходку Чистякова.

– А-а-а, блядво! – в отчаянии кричал кто-то из экипажа.

Но бывший рабочий колхозной мельницы Вася Манихин, привыкший кидать четырехпудовые мешки, с такой же легкостью и быстротой уже загнал в ствол вслед за снарядом гильзу. Коля Серов, не дожидаясь команды, рванул спуск.

Напряжение было так велико, что младший лейтенант Чистяков даже не услышал грохота выстрела, который глушил в железной коробке весь экипаж. Зато взрыв услышали все. Фугасный снаряд (Манихин не успел крутнуть колпачок) прошел над щитом низкой усадистой пушки и взорвался в дальнем углу капонира, подняв гору взрыхленной земли, каких-то обломков. Взлетело чье-то укороченное тело с растопыренными руками.

– Амбец котенку!

«Тридцатьчетверки» расстреливали и давили все подряд. Немец, стоя на одном колене, выстрелил в танк из гранатомета. Удар надорвал гусеницу и срезал, как жестянку, подкрылок. Перезаряжать свое оружие фриц не стал и схватился за автомат. К траншее приближались десантники.

Несмотря на то что танки уже хозяйничали в траншее, из разных концов велся сильный огонь. Большинство немецких пулеметов были хорошо защищены: укрыты в небольших дотах или бронеколпаках. Некоторые пулеметные гнезда были накрыты двумя-тремя рядами шпал.

Десантники падали один за другим. Кроме пулеметных очередей продолжали густо сыпаться мины. Большинство пехотинцев из усиленной десантной роты залегли, не добежав каких-то ста шагов. Самые отчаянные ворвались в траншею, там началась рукопашная схватка.

«Тридцатьчетверка», перемахивая через траншею, обвалила переднюю стенку и сползла кормой вниз. Отполированные до блеска гусеницы бешено вращались, но машина застряла наглухо, задрав носовую часть. К ней уже подбирались трое немцев с минами в руках. Командир танка, развернув в их сторону башню, выстрелил из пушки. Снаряд прошел над головами.

Они сумели прилепить к борту магнитные мины, похожие на сковородки с ручками, и сразу бросились убежать. Выскочили двое танкистов, сорвали одну из мин. Из-за поворота траншеи по ним ударили из автомата, парни свалились рядом с гусеницами.

Попытались встать, оба тяжело раненные, но взорвалась мина, добив танкистов, и сразу загорелся двигатель – мину прилепили в уязвимом месте. Из горящего танка выбрались механик и стрелок-радист. Оба контуженные, обожженные, они сумели отбежать, прежде чем взорвался боезапас.

Самоходная установка к траншее не приближалась. Бороться с пехотой была не ее задача. Но и наблюдать за схваткой в траншее младший лейтенант не мог. Посчитают трусом.

– А ну, дави вон то гнездо! – кричал Чистяков, показывая на двойной ряд шпал, присыпанных землей и утыканых для маскировки ветками, под которыми прятался крупнокалиберный пулемет.

Тимофей Лученок не слишком рвался к траншее, опасаясь мин и того, что машина весом сорок пять тонн сползет, если обвалится земля. Правой гусеницей, не обращая внимания на непрерывно работающий пулемет, он навалился на перекрытие, раздавил его. Чувствуя, что край траншеи начинает сползать, ушел в сторону.

Впереди, дернувшись, остановилась еще одна «тридцатьчетверка». Снаряд размолотил сразу несколько колес, сорвал гусеницу. Успели выскочить только механик и заряжающий.

Через считанные секунды следующий снаряд врезался в броню огненным шаром. На борту словно вырос огненный куст. Брызнули раскаленные добела осколки металла, крупные искры.

Машина загорелась. Языки огня выбивались из пробоины, открытого люка, откуда высунулась чья-то рука и тут же исчезла.

Танковый батальон уже миновал передовую траншею. Пехота продолжала бой, трещали выстрелы, взрывались гранаты, слышались крики и мат. На той стороне траншеи застыла еще одна «тридцатьчетверка». Механик, надрывая поврежденный двигатель, уводил машину в низину, стремясь избежать нового попадания.

Несколько танков замедлили ход. Командир батальона, майор Швыдко, шедший позади, забыл о рации и, высунувшись по пояс, махал пистолетом, разевая рот. Видимо, кричал на подчиненных, которые его все равно не слышали.

– Чего орет? – пожал плечами Коля Серов. – Если поторопить своих надо, то двигай сам вперед. Полководец долбаный!

– Не майорское это дело – батальон вести, – выругался Тимофей Лученок, который очень не любил горластое начальство, не раз посылавшее его в лобовые атаки.

Чтобы не отстать от других, танкового комбата обругал и заряжающий Вася Манихин:

– Пузо отрастил, как только в люк пролезает?

Снова заработала рация. Словно услышав, что речь идет о начальстве, вышел на связь командир батареи самоходок капитан Пантелеев.

– Саня, пушечный дот на левом фланге видишь?

– Пока нет.

– Разуй глаза. Там орудие калибра «восемьдесят восемь» установлено. Полевые и танковые пушки дот не берут. Приказ – уничтожить. Ох, бля, куда он их гонит!

Последние слова были обращены скорее всего к пузатому комбату, чьи танки прорвали передовую позицию. Теперь он пытался как можно быстрее развить успех. Но атака захлебывалась, несмотря на крики майора и пистолетные хлопки.

Взорвалась еще одна «тридцатьчетверка». Скорее всего ее ударили крупным калибром из дота на левом фланге, про который говорил Пантелеев. Она за минуту превратилась в груды горящих, разбросанных детонацией обломков.

– Экипаж погиб и пикнуть не успел, – выразил сочувствие Вася Манихин. – Глянь, труп как горит.

– Мы не хуже жариться будем, – отозвался Тимофей. – Вся одежда, даже исподнее, насквозь промаслены.

Чистяков показал направление. Самоходка тронулась с места, и в ту же секунду рядом прошел снаряд. Такие вещи скорее чувствуешь, чем слышишь. Грохот взрывов и выстрелов заглушал все остальные звуки, но толчок спрессованного воздуха ощутил весь экипаж. Не дожидаясь команды, Тимофей Лученок, развернувшись, шел к островку березняка.

Никудышное укрытие. Но экипажу отчасти повезло, что перед молодыми деревьями образовалась небольшая промоина. Следующий снаряд просвистел, как огромная коса, смахнул пяток мелких берез и прошел в метре над рубкой.

– Они не отстанут, – пробормотал наводчик Серов и оказался прав.

Два снаряда, один за другим, прилетели следом, но низина и невысокая грива защитили машину. Один снаряд врезался в землю, другой снес еще пару-тройку берез, пропахал борозду и закувыркался неподалеку от самоходки.

– Восемьдесят восемь миллиметров, – определил Чистяков, глядя на облепленную влажной землей бронебойную болванку, от которой шел пар. – Нашу броню насквозь пролупит.

– И чего делать? – спросил снизу Тимофей Лученок.

– Разворачивай машину стволом к доту.

Угол горизонтального обстрела их орудия был невелик, меньше пятидесяти градусов. Чтобы поймать этот угол, Лученок осторожно, на малых оборотах повернул машину. Но немецким артиллеристам в бетонной коробке было не до них. Они поймали в прицел две 122-мил-

лиметровые гаубицы, которые спешно везли тягачи, и расстреляли их с расстояния километра четырьмя выстрелами.

Одну гаубицу развалило на части, вторую перевернуло. Рядом горел гусеничный тягач, другой сумел уйти. Через минуту подбили танк, вырвавшийся вперед, остальные попятились, продолжая вести огонь.

– Похоже, пушечный дот тут не один, – всматриваясь в бинокль, пробормотал Чистяков. – Точно. Вон, дальше еще один торчит. Ну, дай бог нам со своим хотя бы справиться.

Тщательно прицелившись, выпустили снаряд, но промахнулись. Вторым попали, однако расстояние было великовато и фугас бетонную стенку не пробил. Зато 88-миллиметровые орудия обоих дотов подбили еще одну «тридцатьчетверку».

Танкисты набросили трос и потащили поврежденную машину в укрытие. В их сторону густо сыпались мины и реже – снаряды. Пушка из дота выбила заднее колесо и порвала гусеницу и без того покореженного танка. Оборвался трос. Следующий снаряд ударил неподвижную машину в борт, она сразу задымила.

Чистяков, отодвинув наводчика, ловил в прицел серый короб и черное прямоугольное отверстие амбразуры. Выстрелил и попал в стену. Облачко цементной пыли окутало дот.

– Далеко, – сказал Серов. – Метров восемьсот, не меньше.

– Нормально. Целиться лучше надо, – подал голос Лученок.

Ему очень не хотелось покинуть это укрытие. Хоть и не слишком надежное, но хоть отчасти защищающее машину. Особенно нижнюю часть, где размещался сам механик вместе с радистом.

– Надо подойти ближе, – согласился с наводчиком Чистяков. – Тимофей, гони вон к тому бугру.

– Вы что там возитесь? – снова затрещала рация голосом комбата Пантелеева. – Не видите, как танки горят?

– Сближаемся с целью, – четко ответил Саня.

– Быстрее!

Старший сержант Лученок гнал, выписывая зигзаги, выжимая из двигателя все, что можно. У небольшого бугра остановился.

– Далековато, – прикинул расстояние Чистяков. – Давай по низине еще метров двести. Оттуда наверняка достанем.

– Там же открытое место, – возмутился механик.

Но, постоянно бурча и жалуясь, Тимофей команды выполнял четко. Только сжал челюсти, с тоской представляя, что произойдет, если им врежут в лоб. Самоходка шла на скорости сорок пять, двигатель ревел по-сумасшедшему. Скорость была выше максимальной. Радист Костя Денисов, недоучившийся студент, сполз на дно, вцепившись пальцами в рацию. Снаряд из дота ударил вскользь, отрикошетил от брони. Самоходку встряхнуло с такой силой, что одна гусеница подскочила, а внутри загремели какие-то железяки. Саня понимал, что второй раз немцы ударят точно.

Расстояние не превышало четырехсот метров. Их спас умелый вираж механика и толстая бортовая броня. Спасибо конструкторам, что не пожмотились, как это обычно бывает, и не уменьшили толщину бортовой брони. Снаряд пропахал 75-миллиметровую плиту, оставив оплавленную борозду.

Саня не попал в амбразуру. Но удар мощного фугаса отколол кусок бетона и встряхнул дот куда сильнее, чем немецкий снаряд самоходку. Экипаж действовал, как слаженный механизм. Пока Манихин молниеносно забрасывал новый снаряд в ствол, Лученок пронесся с десятков метров и тормознул в нужную секунду.

Чистяков выстрелил и снова угодил повыше амбразуры. Откололась уже целая глыба, а по бетонной стене побежали трещины.

– Добивай, командир! – орал весь экипаж.

Третий фугасный снаряд довершил дело. Снесло болтавшийся на куске арматуры бетонный ком, а в черном провале амбразуры полыхнуло пламя. Место было открытым. Понимая, что оставаться здесь дальше нельзя, Чистяков приказал двигаться к доту, чтобы осмотреться и решить, что делать дальше.

Из траншеи, защищавший дот, с флангов и тыла выскакивали солдаты в серых френчах и бежали к сосновому перелеску. Кто-то пальнул на ходу из гранатомета, отстучала одна, вторая пулеметная очереди, но связываться с бронированной громадиной немцы не рискнули.

Под бетонной плитой остался чешский пулемет «Зброевка» на треноге с торчавшей из казенника лентой. С ходу обогнули дымившийся дот и наткнулись на легкий бронетранспортер, в который грузили минометы. Полугусеничная машина рванула с места как пришпоренная. На задний борт карабкался один из минометчиков.

Чистяков хотел врезаться с ходу, но обстоятельный механик резко остановил машину. Вездеход, делая отчаянные виражи, уходил на скорости под шестьдесят. Снаряд взорвался с перелетом, метрах в пяти. Но этого хватило, чтобы выбить левое переднее колесо и проломить радиатор, защищенный тонкой броней.

Из дверей и грузового отсека выскакивали минометчики и бежали к островку деревьев. Пулемета на СУ-152 не было, а тратить снаряд на рассыпавшуюся кучку фрицев Чистяков не захотел. Слишком малый запас, всего двадцать штук. Часть уже израсходовали, а что будет впереди – неизвестно.

Коля Серов, у которого имелись свои счеты к немцам (пропали без вести старший брат и отец), высунулся из люка и торопливыми очередями из автомата пытался догнать убежавших. Диск вылетел за минуту, но все пули прошли мимо. Умудрившийся выбраться из своего закутка, Костя Денисов выпустил семь пуль из нагана. Тоже промазал и удивлялся:

– Я же хорошо целился. И зачеты всегда сдавал.

– Мазилы, – оценил действия стрелков старший сержант Лученок и неторопливо вылез наружу. – Упустили целое отделение.

Осмотрели дот. От взрыва шестидюймового фугаса сдетонировали снаряды внутри. Левую боковую стену разломило. Из полуметровой трещины выбивался дым и языки огня. Вынесло одну из створок бронированных ворот, через которые вкатывали пушку. Из дымящейся темноты, подсвеченной пламенем, несло запахом тлеющего тряпья и горелого мяса. Подивились полутораметровой толщине стен и гордо пришли к выводу, что, кроме их 152-миллиметровки, никто бы дот не осилил.

Длинноствольную пушку калибра 88 миллиметров сорвало со станка, виднелись тела мертвых артиллеристов. Искать трофеи здесь было бессмысленно, все перемололо взрывом, догорали какие-то обломки, разбитые снарядные ящики. Зато в перевернувшемся бронетранспортере обнаружили два исправных миномета, которые пытались вывезти дисциплинированные расчеты.

Ствол пулемета над кабиной погнуло, и он никуда не годился. Перевернувшаяся машина придавила водителя до пояса. Он тяжело и прерывисто дышал, тоскливо глянул на русских и снова закрыл глаза.

Тимофей Лученок внимательно осматривал самоходку. Сане стало неудобно, что он таращит глаза на разбитую вражескую технику, и тоже присоединился к механику. Оба по очереди потрогали рваную щербину на броне, затем Тимофей заглянул под гусеницы и сказал, что машина в порядке. Младший лейтенант вспомнил, что надо доложить командиру батареи.

Связь барахлила. Сквозь треск ничего слышно не было. Приказав радисту продолжать вызывать комбата, Чистяков взобрался на крышу самоходки и стал разглядывать лежавшее перед ним поле. Там дымились или горели пять-шесть танков. Три машины заползли в неглу-

бокий овражек и куда-то стреляли. Еще две «тридцатьчетверки» укрывались за кустарником. Движения вперед не наблюдалось, пехота тоже залегла.

В разных местах поднимались фонтаны гаубичных разрывов, били минометы. Нечасто, но давая понять, что могут ударить и сильнее. Саня спрыгнул вниз. Он не знал, что делать. Идти вперед? А где это «вперед»? Если понес серьезные потери батальон «тридцатьчетверок», а там двадцать одна машина, то что сделает его самоходка? Пусть с усиленной броней и мощным орудием, но вполне уязвимая для большинства немецких пушек.

Денисов наконец связался с командиром батареи и передал трубку младшему лейтенанту. Выслушав доклад, что дот уничтожен, подбит бронетранспортер и захвачены в качестве трофеев два исправных миномета, Пантелеев сказал, что Саня молодец. И тут же сообщил, что третья самоходка на правом фланге вышла из строя.

– Сгорела? – вырвалось у Чистякова.

– Вышла из строя, – повторил комбат.

Объяснил, что он уходит на правый фланг, а центр и левая сторона остаются за экипажем младшего лейтенанта. Впереди еще укрепления, должны подвезти гаубицы, но их пока нет. Особенно мешает пушечный дот. Снаряды «тридцатьчетверок» его не берут, а бьет оттуда тоже пушка «восемь-восемь».

– Сам знаешь, какая это гадина.

И помолчал, ожидая реакции младшего лейтенанта. Чистяков прекрасно понимал, к чему клонит Пантелеев. Никто с дотом справиться не может, а у младшего лейтенанта с его геройским экипажем это получается хорошо. Саня молчал, настороженно затихли его подчиненные.

Снова повторять лобовую атаку он просто боялся. Что, их самоходка крайняя? Разбили один дот, теперь двигай прямо на орудие другого. Чудес на свете не бывает. Раз повезло, а второй раз влепят снаряд, и сгорят они к чертовой бабушке. Фрицы стрелять умеют, да еще как!

– Чего молчишь, Сан Саныч? Или не понял боевую задачу?

– Я уже одну выполнил. Даже снаряд в борт словил.

– Машина на ходу? – изменил тон Пантелеев.

– Так точно.

– Тогда слушай следующую задачу. Присмотрись получше. Дот перед холмом торчит, там где кустарник. Видишь?

– Вижу.

– Свяжись с командиром танкового батальона Швыдко. Будете действовать вместе. Он в курсе, рядом со мной стоит.

– Я роту Сенченко поддерживаю. Что, теперь весь батальон?

– Давай, давай, – поторопил его Пантелеев.

Прежде чем капитан отключился, Саня попросил его связаться со снабженцами и подвезти снаряды.

– У меня всего восемь огурцов осталось.

– Свяжусь. Дуй к овражку, обсудите все с комбатом.

Связь оборвалась. Чистяков, как и всякий командир машины, хитрил. Снарядов он загрузил сверх нормы, оставалось еще штук пятнадцать. Но дело было не в боеприпасах.

– Кто везет, того и запрягают, – мрачно подвел итог разговора старший сержант Лученок. Хотел сказать что-то еще, но Чистяков его перебил:

– Двигай к танкистам.

Майор Швыдко, небольшого роста, пузатый, с Саней разговаривал, как со своим ординарцем. Наверное, несмотря на неказистый вид пользовался у начальства авторитетом. На груди висели два ордена, в том числе новенький, сверкающий алой эмалью «Отечественной

войны 2-й степени». Две медали «За боевые заслуги» также подтверждали, что майор – заслуженный командир.

«За что ему «Отечественную войну» повесили? – желчно рассуждал Саня. – Мы же почти три месяца в обороне стояли?»

Швыдко объяснял задачу отрывистыми фразами, таким тоном, словно отчитывал Чистякова и весь его экипаж. И даже дергался, перетаптываясь в своих яловых сапогах, туго обтягивающих толстые икры.

– Понял? – добавлял он в конце каждой фразы. – Понял? Мы тебя поддержим огнем, а ты солону не жуй и броском вперед. Наши орудия дот не возьмут, тут работа для твоей мандулины.

– Гаубицы, – сжав губы, поправил Саня.

– Грамотный, – похвалил его Швыдко. – Вот и дуй вперед, а то меня комбриг уже заколебал. Потери большие, самоходы прижухли. Не рвутся в бой.

Чистяков понял, что говорить с заслуженным майором больше не о чем, но все же попросил:

– Пару танков хоть дайте. Я же не могу в одиночку. Весь огонь на меня.

– Пехоту дам, – после паузы сделал одолжение орденосец. – Десант на броню.

Десант, человек двенадцать пехотинцев, облепили рубку. Чистяков, усаживаясь на свое место, кипел от злости. С минуту отмалчивался, потом показал неизвестно кому кукиш. Может, майору Швыдко, а может, комбату Пантелееву.

– Хрен вам, герои сраные. Сами решим, что делать. Трогай, Тимофей.

Чистяков понимал, что майора тербят. Наверное, грозят снять его блестящие ордена и сулят всякие неприятности. Батальон понес потери, гробить его до конца Швыдко не хочет. Кем тогда командовать?

Самое разумное – дождаться артиллерии, возможно, авиации, и лишь затем продолжать наступление. Но над майором висит грозное «давай!», и он, не став спорить, выбрал выгодный для него вариант. Танки будут много и часто стрелять. Самоходная установка с грозным прозвищем «зверобой» добавит грохоту своим шестидюймовым калибром, а там, глядишь, подоспеет артиллерия.

Единственное, за что можно было уважать майора, он не гнал на верную смерть оставшиеся танки своего батальона. Пусть сначала попробует расхлебать ситуацию самоходка с ее толстой броней, устрашающей пушкой и слишком независимым младшим лейтенантом-сопляком.

Но Саня Чистяков не был сопляком. Он уже хватил войны, будучи артиллеристом, и хотя на самоходной установке воевал первый день, кое-что уже понял. Механик Лученок гнал машину назад к разбитому доту и не задавал вопросов.

– Эй ты, герой, – зашипела рация голосом Швыдко, – направление не перепутал?

– Выполняю задание, – коротко ответил Чистяков и приказал радисту Денисову больше не отзываться.

– А если Пантелеев? – усомнился тот.

– Он нам что, поможет твой Пантелеев?

– Вот так, – ухмыльнулся Тимофей. – Слухай командира, студент.

Остановив машину неподалеку от все еще дымившегося бронетранспортера, Чистяков приказал сержанту, командиру пехотинцев, принести один миномет и загрузить его на трансмиссию.

– Мины в корзинах, вон там. Принесите штук тридцать.

Вместе с Лученком и Серовым быстро обсудили дальнейшие действия. На листке бумаги (какая уж тут карта!) проложили ломаный маршрут, ведущий к доту у подножия холма. Получался крюк километра два.

Неизвестно, на какие сюрпризы можно нарваться по пути, но прямая атака была бы обречена. За спиной, на поле взорвался один из горевших танков, сдетонировал боезапас. Несколько «тридцатьчетверок» вели огонь, но высовываться не рисковали. Видимо, майор Швыдко от них этого не требовал.

Толку от такой поддержки было мало. Снаряды падали с перелетом в полста метров и больше, иногда фонтан земли и дыма поднимался рядом с дотом. Но даже прямое попадание ничего бы не изменило, а массивная заслонка амбразуры была закрыта на три четверти.

Отрезок пути, метров шестьсот, прошли по низине, не обращая внимания на взрывы мин. Знали, что существенной опасности для хорошо бронированной самоходки они не представляют.

Среди воронок лежали тела убитых бойцов. Видимо, какой-то пехотный командир вел свою роту или батальон, но угодил под мины. Тимофей выписывал виражи, стараясь не наезжать на тела. Некоторые без ног или рук, с разорванными животами, в изодранных клочьями гимнастерках и шароварах.

– Мясорубка, – прошептал Коля Серов. – Их целая батарея долбила. А я ведь воевал в пехоте... полтора месяца.

– Повезло как утопленнику, – отреагировал Тимофей. – В самоходы попал. Радуйся.

Трое раненых сидели, привалившись к обрывчику. О помощи они не просили, видели, что машина с десантом торопится в сторону вражеской обороны. Просто проводили самоходку тоскливым взглядом, от которого Сане стало не по себе.

Немецкий наблюдатель засек машину и передал координаты на батарею. Мины посыпались градом. Низина была хорошо пристреляна, и через минуту взрыв ударил едва ли не под гусеницами. Затем грохнуло, словно кувалдой, по крыше рубки. Десантники молотили прикладами и кулаками по броне. Чистяков высунулся в люк.

– Сворачивайте отсюда, – кричал сержант, командир отделения. – У меня одного наповал уложило, второй ранен. Перебьют всех!

Раненному в плечо парню помогли слезть. В помощь оставили еще одного бойца. Саня уже понял свою ошибку – слишком увлекся, надо сворачивать. До конца низины им не дадут доехать. Мина либо угодит в трансмиссию, либо порвет гусеницу, не говоря о десанте, который уже уменьшился на три человека.

Поднялись наверх. Здесь оказалось открытое место, и вскоре засвистели болванки легких противотанковых пушек. Стреляли издалека, но довольно точно. Снаряд врезался в верхнюю часть рубки, отрикошетил. От сильного удара у Коли Серова потекла из носа кровь.

– Нам бы только до того гребешка добраться, – бормотал Тимофей Лученок. – Доберемся...

Он крутил громоздкую машину, бросая ее из стороны в сторону, и Чистяков в очередной раз подумал, что с механиком им повезло. Глухой шлепок он слышал сквозь рев шестисот-сильного мотора. С таким звуком бронебойная болванка ударяет в живую плоть.

У гребня на минуту остановились. Так и есть, прямым попаданием убило десантника. Рубка была забрызгана кровью. Сержант кричал, что экипажу сидеть под прикрытием брони хорошо, а вот у него уже двоих наповал убило.

– Пулеметчика разорвало. С сорок второго воюет, мой первый помощник. Вон лежит... был человек, две половинки остались, и пулемет вдребезги.

– Не ной, – сплюнул Чистяков. – Возле тех кустов вас высадим. Установите миномет и выпускайте все тридцать мин по доту. Главное, чтобы больше шума и дыма. Умеет кто минометом пользоваться?

– Ты бы раньше спросил, когда этот самовар сюда втаскивали, – огрызнулся сержант. – Разберемся как-нибудь.

До островка краснотала добрались без приключений, высадили десантников. Чистяков прикидывал оставшееся расстояние. До серой, врытой в землю коробки оставалось метров семьсот. Можно попробовать и отсюда. Но понадобится минимум три-четыре точных попадания. А это значит, без пристрелки не обойтись.

– Бодяга получится. Провозимся – сами под огонь попадем. Надо ближе подойти, – вслух решил он.

– Надо! – кричал и кивал головой наводчик Коля Серов с заткнутыми ватой ушами. На скулах застыли потеки спекшейся крови.

– Тимофей, гони через поле. Встанем у тех деревьев и раздолбаем гада.

Механик уже устал бурчать, да и спорить было не о чем. Сунули их прямо в пасть, теперь только на удачу надейся. Поле было нескошенным, трава вымахала на метр с четвертью. Высота самоходки два с половиной метра – хоть какое-то прикрытие.

– Я слышал, снаряды в густой траве вязнут и взрываются, – подал голос Костя Денисов.

– В институте об этом узнал? – поинтересовался механик.

– Нет... от ребят слышал. Еще на курсах.

– Умные там у вас люди учились. Тогда нам и бояться нечего.

Десантники уже вели огонь из миномета. Толку получалось мало, но некоторые взрывы поднимались рядом с дотом. Когда тронулись, набирая скорость, Коля Серов, хоть и оглохший, но с цепким кошачьим зрением, выкрикнул:

– Глянь, командир! Там в капонире у дота пушка... или две. Не подпустят они нас.

Обычное дело. Такие мощные доты обязательно защищают с флангов. Или минируют подходы (пока Бог спасал), или ставят легкие пушки. Неизвестно, чем бы все закончилось, но вынырнули, как из-под земли, две «тридцатьчетверки». Они тоже шли к доту с фланга и вели беглый огонь. У них боезапас вчетверо больше, можно палить, не считая зарядов.

Откуда они взялись, кто их послал, раздумывать было некогда. Тимофей Лученок, как приказано, гнал вовсю, бросая машину из стороны в сторону. Но две пушки с торчавшими из капониров стволами вели огонь в основном по «тридцатьчетверкам», так как именно танковые снаряды рвались рядом с ними и представляли наибольшую опасность.

– Дорожка! – закричал Чистяков, увидев, как дернулся и застыл подбитый танк.

С места шарахнули по капонирам раз и другой. Там поднялась плотная завеса дыма. И остановившийся танк, и тот, который продолжал движение, долбили позиции обеих пушек. Самоходка остановилась в трехстах метрах от дота, зайдя почти с тыла.

– Щас мы тебя, – шептал Вася Манихин, баюкая снаряд в своих мощных ладонях.

Позади рвануло. Оглядываться времени не было, но уцелевшая пушка продолжала вести огонь. Пришлось истратить фугас на нее, а Вася уже бросал в открывшийся казенник новый снаряд.

Фугас врезался в боковину серой коробки, брызнули куски бетона. Еще один! Рвануло у основания. Не совсем точно, но тоже неплохо. Загнали в ствол очередной фугас, но выстрелить не успели. Лученок дал резкий задний ход.

– Минеры, вон в траве! Делайте что-нибудь.

И продолжал резво отступать. Не так просто было скovyрнуть этот чертов дот. Вроде сумели пробиться, потеряв несколько десантников. Раздолбали с помощью танкистов две противотанковые пушки. Но бежали по глубокой, незаметной в траве траншее пять-шесть немецких саперов и пехотинцев с минами и взрывчаткой.

Ударили из гранатомета. Попали 30-миллиметровой гранатой в массивную орудийную подушку. Только это и спасло. Граната так себе, смотреть не на что, но кумулятивная. Метров с семидесяти вполне могла прожечь броню. Саня, высунувшись, стрелял быстрыми очередями из ППШ, не видя в траве цели. Вылез с пистолетом Коля Серов, несколько раз пальнул.

Эту кучку с гранатометом отогнали, возможно, кого-то зацепили. Но с тыла набегал опытный сапер с миной в руке. Рисковал, но отделение головой отвечало за дот, обязанное защищать его до последнего с флангов и тыла. Поэтому, рискуя, бежал дисциплинированный унтер, протягивая, как подарок, магнитную мину-сковороду большой мощности. Знал, сволочь, что пулемета у громоздкой русской самоходки нет.

Выручили танкисты. Открыли огонь сразу из обоих пулеметов, смахнули геройского сапера и начали утюжить траншею. Серов навел пушку. Всадили в дот три фугаса подряд.

Проломили метровую дыру, бетонный короб перекосило, пошел дым. А из задней двери, пригибаясь, убежал расчет. Догонять их не рискнули – мало ли что там, впереди. Тем более нет пулемета.

А «тридцатьчетверка» застряла поперек траншеи с порванной гусеницей. Вращая башней, вела огонь из пушки и пулемета, разгоняя остатки гарнизона. Когда подогнали самоходку поближе, Саня увидел в люке ротного Петра Сенченко. От радости, что выжили, раздолбали бетонный гроб, кинулись обниматься.

– Я ж тебя вызывал, – сказал с укором младший лейтенант. – Положено вместе действовать, а ваш майор меня в одиночку послал.

Прозвучало с обидой, едва не слезливо. Но Саня, мгновенно поправившись, лихо заматерился:

– Но мы и сами кое-что умеем. Разбили дот к ядерной фене. Вам, конечно, спасибо. Обложили бы нас минами.

А старший лейтенант Петр Сенченко, тоже оглушенный, объяснял, размахивая руками:

– Мы вначале не рисковали дальше двигаться. Потери слишком большие. А потом видим, ваш десант мины на немецкие пушки сыпет, а вы уже к доту приближаетесь. Решили не оставлять вас. Рванули, пользуясь суматохой. Правда, еще один танк потеряли и моему гусеницу перебили.

– Майор, что ли, вас послал?

– Нет, сами.

Осмотрели разбитый дот, второй за сегодняшний день. Отсюда хорошо просматривались подходы. Длинноствольное орудие «восемь-восемь» не давало танкам высунуться. В развороченных капонирах находились две разбитые 50-миллиметровые пушки. Вроде калибр небольшой, но ее кумулятивные заряды и снаряды с вольфрамовым сердечником прошибали броню «тридцатьчетверок» за полкилометра, а подпустив ближе, прошили бы и самоходку с ее броней в семь с половиной сантиметров.

В сгоревшем танке из роты Сенченко погибли двое ребят из экипажа. Один получил сильные ожоги, пока вытаскивал товарища. С него сорвали тлеющий комбинезон и бинтовали обожженную спину и руки.

Экипаж младшего лейтенанта Чистякова время зря не терял. Принесли в качестве трофеев автомат, несколько ножей, консервы и две фляжки чего-то спиртного. В первую очередь охотились за часами, но сумели найти лишь двое наручных часов, остальные были разбиты. Те, которые получше, торжественно вручили Чистякову.

Хозяйственный механик Лученок сменил свои изрядно побитые сапоги на трофейные, почти новые. Притащил также куртку, которую подстелил на сиденье. Кое-что досталось и танкистам Сенченко.

Минут через двадцать прикатил майор Швыдко с оставшимися танками. Долго рассматривал развороченный дот. Чистякову в знак одобрения лишь кивнул, а общался лишь со своим ротным Сенченко. Похвалил его за решительность, вроде невзначай поинтересовался трофеями. Танкисты знали натуру своего комбата, подарили ему «парабеллум» и выкидной нож.

– Часов не было, что ли? – рассматривая вороненый пистолет, спросил Швыдко.

– Поразбивало взрывами, – объяснил Сенченко.

– Взрывами, значит. Ну-ну...

Саня Чистяков, задетый, что майор не оценил риска, с которым действовал его экипаж, и ни словом не обмолвился о разбитом доте, отстегнул с руки часы.

– Возьмите. Вам нужнее. Будете со своими сверять.

Дело в том, что у Швыдко имелись часы, а у Сани не было. Решил отдать демонстративно. Бери, крохобор, если одних мало! Но Швыдко, внимательно оглядев младшего лейтенанта, который не выглядел простачком, небрежно отмахнулся:

– Оставь себе. Обойдусь.

И снова заговорил с Петром Сенченко. Затем подтянулась пехота, заняли позиции. Удивлялись толщине стен приземистого дота и с уважением поглядывали на самоходку с ее массивным орудием.

– Хорошо лейтенант сработал.

– Стены полтора метра, а он их насквозь!

– С такой пушкой можно воевать.

И тоже полезли за трофеями. Пехота, не настолько избалованная, как танкисты, довольствовалась малым и не искала чего-то особенного. Порылись в капонирах, нашли несколько удобных котелков с плотными крышками, подобрали ножевые штыки, уцелевшие гранаты. Некоторые сменили ботинки на добротные немецкие сапоги, забрали прорезиненные плащ-палатки – незаменимая вещь, когда идет дождь.

Получилось, что позиция возле дота стала местом сосредоточения пехотного и артиллерийского полков, танкового батальона. Вот-вот должен был приехать командир дивизии, чтобы принять решение, что делать дальше. Подошла самоходка капитана Пантелеева. Саня обрадовался ему, как родному, едва не кинулся обнимать. В последнюю секунду сконфуженно опустил руки, но капитан хорошо понимал его состояние.

Обнял Чистякова сам, хлопнул по спине.

– Молодцы, ребята! Рассказывай, как воевали.

Саня торопливо доложил. Сказал, что машина классная, а пушка проламывает эти бетонные гробины, только брызги летят. От души похвалил механика:

– От фрицевских снарядов на виражах, как на мотоцикле, уходили. Две штуки поймали, но броню они не пробиты. Во, гляньте, какие щербины остались!

Спохватившись, младший лейтенант похвалил и наводчика Колю Серова, а заодно и остальных. Потом спросил, что случилось с третьей самоходкой.

– Подкалиберным врезали, – коротко отозвался Пантелеев. – Наводчик погиб, пожар потушили. Заряжающий сильные ожоги получил, в санбат отправили. Ремонтников ждут. Так что мы с тобой пока двумя машинами действовать будем.

Подошел майор Швыдко.

– Маленько повоевали, – небрежно подвел он итог. – Первую линию прорвали, но потери большие. На артподготовку столько снарядов извели, а немецкую артиллерию подавить не сумели. Мои орлы их пушки добивали. Твоя самоходка тоже малость помогла.

Про уничтоженные доты не сказал ни слова. Пантелеев странно посмотрел на толстого комбата, двинул челюстью.

– Значит, и Чистяков пострелял? Я ему задание давал доты из строя вывести. Попал хоть в цель?

– Попал, кажись, – после паузы отозвался майор.

– Слава богу, что хоть сейчас это заметил. А то я думал, наши самоходки никуда не годятся.

– Ничего машины, и пушки у них сильные.

– И ребята в них неплохие, – оставил за собой последнее слово капитан Пантелеев. – Не хуже твоих орлов.

Подъехал на джипе командир дивизии, все вытянулись, козырнули. Подполковник лет тридцати пяти, командир пехотного полка как старший по должности доложил обстановку.

– Людей в строю сколько осталось? – спросил комдив.

– Триста семьдесят активных штыков. Убитыми почти две сотни потеряли и триста с лишним раненых отправлены в санбат. Много тяжелых от минометного огня.

– Пополняй роты за счет тыловиков. Хватит им отсиживаться. А у тебя, Швыдко, как дела?

– Пять машин сгорели, шесть подбиты. С ними зампотех с ремонтниками занимается. В ротах осталось девять танков.

– Почему только девять? – вездливо спросил полковник-комдив, по возрасту старше всех других. Наверное, еще в Первую мировую воевал. – А свой танк забыл? Или ты в атаку не ходишь? Вроде запасного игрока.

– Десять, – поправился Швыдко. – В атаке всегда вместе с батальоном. За ночь постараемся часть машин восстановить.

– Думаю, что наступать придется вечером, пока немцы не опомнились. Впрочем, надо еще связаться с артиллерией.

Затем полковник пошел к доту. Командиры следовали за ним. Осмотрел рваное отверстие. Спросил Пантелеева:

– Ваша работа?

– Так точно. Командир СУ-152 Чистяков постарался. Отличился парень. Два дота во взаимодействии с танкистами разбил.

– Значит, берут ваши снаряды эти укрепления?

– Берут. Только бить надо с малого расстояния. Метров с пятисот, не больше.

Комдив посмотрел на младшего лейтенанта Чистякова.

– Не страшно было?

– Страшновато. А куда деваться? Их пушки 88-миллиметров за километр наши танки выбивают.

– Бывает и за полтора, – поправил его полковник. – Нормально сработали.

Потом командиры удалились на совещание. Связывались с более высоким начальством, что-то решали.

– Неужели снова вперед погонят, – уныло рассуждал заряжающий Вася Манихин. – Посмотрите, что внизу творится?

Все невольно оглянулись. Застыли подбитые и сгоревшие танки, полевые пушки, сопровождавшие пехоту. Воронки, большие и мелкие, испятнали землю, как язвы. Горел березовый перелесок, что-то густо дымило в овраге. И множество мертвых тел: россыпью, поодиночке, а на открытых полянах и буграх навалены пулеметным огнем едва ли не грудями, вплотную друг к другу.

– Командир полка сказал, что они двести человек потеряли, – рассуждал Вася Манихин. – А здесь раза в два больше лежит... если не в три.

– Так кроме полка саперы наступали, – объяснял Коля Серов, – десантники из танковой бригады, связисты. Да мало ли кто еще.

– Этому командиру полка и сбрехать недолго, – сказал Тимофей Лученок, не любивший всякое начальство.

– Не похож он на болтуна, – возразил Саня Чистяков. – Мужичу лет под сорок, наверное, с рядовых начинал. Да и какой смысл обманывать?

– А какой смысл всю войну людей на пулеметы в лобовую гнать? Чтобы звезд побольше нахватать?

– Ладно, помолчи, Тимофей. Пойдем получше самоходку осмотрим. А ты, Костя, связывайся с тыловиками. Снарядов почти не осталось.

День близился к вечеру, и все мечтали лишь об одном. Хоть бы дали спокойно прожить эту ночь. После долгих согласований наступление перенесли на утро. Оказалось, попал под бомбежку артиллерийский полк и понес большие потери. Требовалось пополнить людьми и переформировать роты пехотного полка, в котором, по существу, остался один полноценный батальон. Срочно ремонтировали поврежденные танки.

– Слава богу, – вздыхал заряжающий Манихин. – Хоть пожрем по-человечески да поспим. А завтра...

– С утра опять под снаряды, – усмехался Тимофей Лученок. – Ох, и в заваруху мы попали...

И справа и слева продолжали бухать взрывы и орудийные выстрелы. Слышался треск пулеметов. Но стрельба понемногу затихала. В сумерках подъехал «студебекер» со снарядами и полуторка-заправщик. Старшина привез термос остывшей каши, махорку и водку.

Ужинали двумя экипажами вместе с комбатом Пантелеевым. Его приглашал к себе майор Швыдко, но он отказался. Выпив по одной и второй, оживленно обсуждали прошедший бой. Потом возбуждение разом спало, всех потянуло на сон.

О завтрашнем дне не думали. До него еще целая ночь.

Глава 2. Первый круг войны

Саня Чистяков закончил в сорок первом десять классов. Последний год доучивался в вечерней школе и одновременно работал в МТС. Семья была большая, трое девок и двое ребят, но отец сумел дать всем образование: кто семь классов закончил, кто – десять, а старшая сестра Таня уже работала учительницей в школе.

Саня хотел поступать в горный институт, стать геологом или полярником. Для глухого села Коржевка, расположенного в глубинке Ульяновской области, в сорока километрах от райцентра, звучало это непонятно и даже смешно. Полярник! Додумался! Тех, кто в летчики рвутся, еще более-менее понимали. О «сталинских соколах» фильмы чередой выходили, в газетах портреты, форма шикарная.

Директор МТС сказал так:

– Не дури, Санька! Ты специалист хороший, я тебя не отпущу. Подавай документы в сельхозтехникум на механическое отделение. Мастером станешь, а со временем и заместителем у меня. Что, плохая должность? Или родное село навозом воняет?

– Нормально воняет, – ответил Саня. – То бишь пахнет.

– Вот и правильно.

Съездил в райцентр, сдал документы и вскоре получил ответ, что зачислен на первый курс. Можно было и порадоваться – ура, студент! Но через день началась война, и уже к вечеру едва не половина мужиков получила с нарочным повестки из райвоенкомата. Когда их только выписать успели!

В понедельник попрощался с друзьями и соседями, которым дали сутки, чтобы решить все дела, а 24 июня явиться в военкомат. Черный был понедельник для Коржевки, да и для остальных деревень в округе.

Хоть и не слишком грамотный народ жил в селе, но те, кто постарше, поняли сразу, война будет тяжелой и долгой. Людей, которые повидали жизнь, нельзя было обмануть хвастливыми фразами о сказочной мощи Красной Армии и о том, что победим врага малой кровью на его территории.

Маленькую Финляндию пытались пригнуть. Разбили собственную морду в кровь, поморозили и погубили в недолгой бестолковой войне сотни тысяч мужиков. А немец уже всю Европу под себя подмял, шапками его не закидаешь.

Директор МТС – по масштабам района номенклатура важная. Забрали бы Саню вместе с ровесниками в первые же дни на фронт. Ему еще зимой военкоматовский капитан предлагал поступить в военное училище. Отказался, сославшись на большую семью. Теперь, когда шел массовый призыв, могли с ходу сунуть на передовую. Но директор МТС из некоторых соображений выбил ему бронь. Во-первых, хороший специалист, а во-вторых, имел прицел выдать за Саню свою младшую дочь.

Жениться Саня не рвался, да и директорская дочка не слишком нравилась. Но как бы то ни было, а до весны сорок второго работал в МТС, чинил для фронта автомашины, трактора. Перед Новым, сорок вторым годом забрали на фронт отца.

Думали, не возьмут, сорок шесть лет стукнуло. Но подбирали мужиков и старше. Мать голосила по нему, как по мертвому. Вначале отец пытался успокоить ее, затем, не выдержав, закричал:

– Ты чего меня заживо хоронишь! Вернусь я, будь уверена. На кого вас всех брошу?

Мать примолкла, чтобы не пугать младших детей, но хорошего ничего не ждала. Те, кого призвали летом, словно в омут провалились. Пришло сколько-то писем из эшелонов и учебных лагерей, затем тишина. Уже в конце осени стали поступать казенные бумажки, а в них сплошь

«пропал без вести» и реже – «погиб смертью храбрых, защищая социалистическую Родину». По селу снова пошел вой, как во время проводов.

– Сгинули наши мужики!

Сосед по улице, Афоня Осьмуха, вернувшийся с Финской войны без ноги и с повернутыми мозгами, скакал на костыле и кричал на все село:

– Мы еще дадим германцу! Финнов одной левой били, а фашистов и подавно раздавим.

Заманим подальше и штыками в жопу до Берлина погоним.

– А чего же сейчас не гоним? – насмешливо спрашивали у придурка.

– Новую армию собираем.

– А где же старая, которую на парадах показывали?

– Геройски отступает.

Участковый хмуро предупреждал Осьмуху:

– Язык-то придержи. Доболтаешься...

Вызывало недоумение (и кусочек надежды) большое число мужиков, пропавших без вести. Где же они? Догадывались, что часть людей попала в плен. А остальные? О том, что в немецкий плен угодили только в первый год войны три миллиона бойцов, известно ничего не было. О таком и подумать не могли. В сводках Информбюро все выглядело приглаженно.

Коротко сообщалось об оставленных городах, много говорилось о героических делах Красной Армии, приводились сказочные данные о немецких потерях: убитых фрицах, уничтоженных танках и самолетах. Получалось, что германцам и воевать уже нечем, а они все шли дальше и дальше на восток.

В декабре село всколыхнула весть о разгроме немцев под Москвой. Репродуктор не умолкал днями напролет, сообщая о нашем стремительном наступлении. За сорок с лишним верст пробилась сквозь снег подвода из райцентра, привезли кипу газет с фотографиями замерзших и убитых немецких солдат, разбитой техники.

Бодрым был тон тех сообщений. Куда уж там Гитлеру нас одолеть, если еще в ноябре 28 бойцов из дивизии Панфилова за день раздолбали из противотанковых ружей и гранатами два десятка танков! А во время декабрьского наступления счет шел уже на сотни танков и самолетов, а зарвавшихся фрицев вгоняли в землю целыми дивизиями и корпусами.

Много было указов о награждениях. Смелых летчиков, танкистов и прочих славных бойцов. Но больше всего расхваливали полководцев. С фотографий газет смотрели сытые генералы, обвешанные орденами – когда только заслужить успели! Их снова награждали, повышали в должностях, казалось, война повернулась к победе.

Но в засыпанной снегом глухой деревне Коржевка настроение у людей было подавленным. Чего там эти победы, когда мужья и сыновья пропали! И подступил извечный спутник войны – голод. Муку уже мешали с лебедой, хлеба не хватало, давно исчез сахар. Пока вырочала картошка, которая родила каждый год исправно.

Но уже бабы из бедных семей повадились ночами ходить на скотомогильник, рубили, кромсали куски от лошадиных туш, собирали завонявшиеся бараньи головы – все пойдет, если нет лучшего.

Семья Чистяковых жила более-менее сносно. Саня получал паек, успел сделать кое-какие запасы отец перед уходом на фронт. Но молоко разбавляли водой, жидкую похлебку заправляли ложкой подсолнечного масла и хлебали, заедая рассыпающимся от травы хлебом.

Все это можно было терпеть. Но несколько месяцев не приходило писем от отца, погиб сначала один, затем второй двоюродный брат. И родному, младшему братишке Феде исполнилось шестнадцать. Уже поставили на учет, и военком говорил с ним как со взрослым мужиком, о героях-добровольцах, предупреждал, что он уже почти призывник. Хоть завтра собирайся и дуй на войну вместе с другими подростками.

Саня считался под крылышком у будущего тестя, но с женьбой дело не продвигалось. А в селе бабы, потерявшие сыновей, открыто и зло поддевали его:

– В тылу, в тепле хочешь отсидеться!

Сгоряча хотел было пойти в военкомат, подать заявление. Но мать, едва не на коленях, умоляла подождать, не торопиться.

– И так заберут. Успеешь еще этой войны хлебнуть.

Так и получилось. Весной сорок второго выдыхалось наше наступление от Москвы. Немцы нанесли сильный контрудар, продвигались к недавно освобожденному Харькову. Бои шли тяжелые, стали снимать бронь со специалистов. Получил повестку и Саня Чистяков. Устроили скромные проводы, а морозным мартовским утром шагал он в райцентр вместе с несколькими пьяненькими парнями, кому подошел срок призыва.

Некоторым было всего лет семнадцать. Наверное, в военкомате рассчитывали, пока призовут, пока подучат, мальчишки подрастут и успешно заменят выбывших бойцов.

Парни, в отличие от Сани, которому исполнилось девятнадцать, были возбуждены, хорошо выпивши и заверяли друг друга, что фрицам ряшку начистят.

– Дадим жару гадам! – обнимал Саню соседский паренек, совсем еще мальчишка с тонкой цыплячьей шеей.

– Дадим, Юрок, – отвечал Саня.

А на душе было тяжело, тоскливо, и водка не брала. Нет писем от отца, сколько близких ребят уже пропали, и не видать этой войне конца.

Учитывая образование, Александра Чистякова хотели направить в военное училище. Но фронту требовались артиллеристы, и Саня попал в учебный артиллерийский полк, расположенный под Саратовом. Когда распределяли по учебным батареям, земляк посоветовал:

– Ты, грамотный, просись в гаубичную артиллерию. Те, кто на малых пушках воюют, на фронте долго не живут. У немцев много танков, вот их и бросают под главные удары.

Чистяков пропустил совет мимо ушей. Хитрить он не умел, да и настроение было такое, что просить о чем-то начальство желания не возникало. Все воюют, пришел и его черед. Не все ли равно, куда пошлют?

Неожиданно сработала справка о том, что он является студентом техникума, хотя ни дня в нем не учился. Однако капитан из строевой части штаба обратил внимание на справку, десятилетнее, редкое по тем временам, образование, и вместе с группой других парней Саня попал в учебный дивизион 122-миллиметровых гаубиц. Тяжелая артиллерия считалась важной штукой, брали сюда ребят грамотных, физически крепких.

Запомнилась огромная холодная казарма человек на двести и ранние подъемы в темноте. Затем следовала километровая пробежка в гимнастерках, физзарядка, уборка казармы и завтрак. В столовую быстро научились ходить строевым шагом с песней:

Артиллеристы, Сталин дал приказ,
Артиллеристы, зовет Отчизна нас!
Из многих тысяч батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину – огонь, огонь, огонь!

Слова настраивали всех на боевой лад. Пели от души (скорее орал), но такие песни чем громче поют, тем больше все довольны, особенно начальство. Не просто так, а сам товарищ Сталин дал приказ, и батарей сотни тысяч, и мстить они будут фашистам так, что только брызги полетят.

Разгоряченные, забежали в столовую, рассаживались на положенные места. Здесь возбуждение спадало. Кормежка в тот период была слабой, не зря существует выражение «голодное Поволжье». Впрочем, сытно нигде тогда не было.

На завтрак давали кашу-размазню, обычно овсянку или ячку, изредка пшенку. Раза три в неделю выдавали по небольшому кусочку сливочного масла или соленого сала. Сало было выгоднее, так как в дивизионе служило довольно много татар, которые первое время свинину не ели – религия не позволяла. Но затем и они привыкли, голод не тетка, заставит что угодно проглотить.

Выручал горячий чай, небольшая порция сахара, ну и хлеб. После двух кружек чая в желудке появлялось что-то вроде сытости. Правда, через короткое время снова хотелось есть, и обеда ждали с нетерпением, стараясь не думать о пище.

Занятия сначала проводились на ближнем полигоне. Из-за Волги дул пронизывающий ледяной ветер, и морозы казались куда сильнее, хотя Саратов, считай, почти юг. Спасало только движение. Все делали быстро, передвигались бегом.

Традиции русской артиллерии всегда славилась. Уже в первые дни новичкам рассказали, как успешно действовала батарея Раевского в битве при Бородино, как несколько месяцев морские орудия отбивали атаки французов и англичан во время Крымской войны. Ну и конечно, политработники вовсю старались, рассказывая о боевых делах артиллерии, громившей фашистов. Хвалили 122-миллиметровую гаубицу М-30, образца 1938 года, посылающую снаряды на двенадцать километров, а также тяжелые шестидюймовки МЛ-20, которые били на семнадцать километров и, по словам политработников, сметали любые вражеские укрепления.

Большинство бойцов учебного гаубичного дивизиона были ребятами грамотными, закончившими семь-десять классов, некоторые успели повоевать и пришли из госпиталей. К учебе относились серьезно, да и атмосфера в дивизионе была дружелюбной, а внешним видом его личный состав выделялся среди других.

За плохо почищенные ботинки, неопрятные, кое-как закрученные обмотки или грязные подворотнички доставалось, прежде всего, от своих. Батареи делились на взводы и отделения, а отделение – это, считай, одна семья. Делили поровну полученные из дома харчи в посылках, иногда скидывались, покупали еду подешевле на рынке. Но все было дорого, денег хватало на кислую капусту, мелкую вареную картошку и семечки, так приятно пахнувшие подсолнечным маслом.

С новыми орудиями ознакомили лишь на плакатах, а учебными пособиями служили старые гаубицы образца 1910 года с деревянными, обшитыми железом колесами и короткими стволами. Такие пушки Саня не раз видел в кинофильмах о Гражданской войне. Весили они полторы тонны. Это без передка и зарядного ящика, в так называемом боевом положении.

Гаубица могла вести огонь на девять километров, а снаряды весили двадцать два килограмма. Правда, скорострельность оставляла желать лучшего, 4–5 выстрелов в минуту, так как зарядание было раздельным. Сначала забрасывали в казенник снаряд, а затем гильзу с мешочками пороха.

Первые месяцы о боевых стрельбах и речи не шло. Учили теорию ведения огня с закрытых позиций, старательно постигая новые для себя термины. Для всех расчетов гаубиц не хватало. Использовались деревянные макеты.

Лошадей для их транспортировки, конечно, не выделяли. Роль тягловой силы исполняли сами бойцы. Когда оттаяла земля, тренировались рыть капониры – укрытия для орудий и расчета. Пока не выраешь капонир, обеда не жди. Обычно укладывались в назначенное время и с чувством выполненного долга вышагивали в столовую, конечно, со строевой песней.

Обеды были немного сытнее за счет жидкого супа и все того же хлеба. Ну а каши доставалось, как и утром, по три-четыре ложки. Правда, в виде добавки иногда ставили миску с

крупно нарезанной жирной каспийской селедкой. Куски расхватывали мгновенно. Кто опаздывал, получал голову или хвост. Съедали с аппетитом, не оставляя костей.

На сколько была рассчитана учеба, толком никто не знал.

– А вы не торопитесь, – говорил старшина. – Туда всегда успеете попасть. Учитесь лучше окапываться, земля – главная защита. Только на нее вся надежда.

К этим словам относились снисходительно. Старшина – старик (уже под сорок), ему только прятаться. А главная надежда, конечно, на свое оружие, на мастерство. Гаубичный снаряд расшибает любой танк, достанет врага в блиндаже, а шрапнель или картечь положит атаковую цепь мордой в землю.

Привезли несколько гаубиц М-30 калибра 122 миллиметра, которые раньше видели только на плакатах. Недели две весь дивизион старательно изучал новое оружие, которое произвело на всех большое впечатление.

Это была вполне современная гаубица с хорошим прицелом, удлиненным стволом и колесами на резиновом ходу. Никакого сравнения с куцей старой пушкой образца 1910 года, у которой ствол был не длиннее откатника. Правда, весила она на тонну больше, но в полтора раза была выше начальная скорость снаряда, что значительно увеличивало поражающую силу.

– С такой штукой можно фашистов громить, – воскликнул кто-то из молодняка.

Но боец постарше, уже повоевавший, не выдержав, резко ответил:

– Видели бы, сколько их на дорогах перевернутых да разбитых при отступлении осталось.

Нельзя сказать, что особый отдел или политработники усиленно преследовали за неосторожно сказанные фразы, но лучше было язык не распускать. За подобные «пораженческие» высказывания, случалось, крепко прорабатывали на комсомольских собраниях, иногда вызывал к себе особист. Поэтому лейтенант, командир взвода, не желая неприятностей, сразу прекращал ненужные разговоры.

– Меньше болтайте. Кончай перекур, стройся.

И продолжались занятия.

Двенадцатого мая 1942 года началось мощное наступление войск Юго-Западного фронта под командованием известного военачальника времен Гражданской войны маршала Тимошенко. Планы строились грандиозные. Разгромить 6-ю немецкую армию, освободить Харьков и в корне изменить всю обстановку на южном крыле фронта.

Поначалу все развивалось вроде нормально, войска продвинулись на 50 километров. По радио и в газетах сообщалось об успешных боях, все ждали новой победы, как под Москвой.

Сане Чистякову запомнилось, что именно в эти дни дважды провели учебные стрельбы боевыми снарядами. Батарея неплохо поразила цели, бойцы получили благодарность и увольнительные в город на несколько часов.

Начистились, подшили чистые воротнички и отправились на танцы. Здесь он познакомился с девушкой. Звали ее Аля, симпатичная, темноволосая, немного старше Сани. Потанцевали, пошли гулять. Девица вела себя свободно, шли, болтая о разной всячине, потом присели на траву у речки, целовались.

Через пару дней встретились снова. Ребята постарше помогли ему купить в военторге бутылку розового портвейна и конфет.

– А вдруг она откажется? – сомневался Саня, который опыта общения с женским полом не имел.

– Ты че, дурак, что ли? Кто же на сухую свидания устраивает? Выпьет девка, разомлеет, а ты не теряйся.

Так и получилось. Пришли на знакомое место, выпили, ели конфеты, снова целовались. Когда Саня попытался раздеть Алю, она со смехом оттолкнула его:

– Ишь чего захотел! А вдруг забеременею? Женишься на мне?

Саня распалился до того, что готов был обещать, что угодно.

– Женюсь, – решительно ответил он.

Поверила ему Аля или смеялась насчет женитьбы, но все у них получилось.

– А ты еще совсем мальчонка, – прижималась к нему Аля. – Первый раз у тебя...

– Почему первый?

– Ладно, не пыжься, – гладила его подружка. – Все хорошо.

Занимались любовью едва не до утра. В полк Чистяков возвращался через забор. Старшина его отсутствие заметил, но лишь предупредил:

– Смотри, патрулю не попадись.

– Никак нет, – во весь рот заулыбался парень.

Встретились еще раз-другой. Саня ходил гордый. У него появилась женщина, ну а если что, он и женится на Але. Девчонка симпатичная, ласковая. Но любовь закончилась быстро и неожиданно. Когда Саня появился у ее дома в очередной раз, Аля вышла из калитки и вдруг заявила:

– Ты, Саша, больше не приходи.

– Обиделась за что-то? – не понял он.

– За что обижаться? Мы не дети, я сама согласилась. Поигрались и хватит.

– Почему? – вырвалось у Сани. – Ты мне очень нравишься.

– Да и ты мне глянулся. Только ни к чему все это. Вы через день-два на фронт уходите. Какое у нас с тобой будущее? Нет его. Погуляли и больше никогда не встретимся. Вспоминай меня иногда.

– Какой фронт? Мы еще учебу не закончили, – начал было спорить Саня, но девушка заторопилась.

– Встретимся еще? – попытался уговорить он Алю, но та лишь качала головой.

Поцеловала на прощание и пожелала остаться живым. Чистяков вернулся в казарму обескураженный и рассказал о странном разговоре своему земляку Грише Вольнову, тоже из-под Ульяновска. Гриша был помощником командира взвода, чаще общался с начальством.

– Знаешь, Саня, – признался он, – я тоже такое слышал. Вчера списки взвода обновлял, комбат приказал. На фронте что-то не так, как бы не пришлось нам и вправду собираться в путь.

– Мы же учебу не закончили.

Гриша служил подольше, в обстановке разбирался лучше.

– Эх, Саня, скажи спасибо, что четыре месяца в тылу отдохнули да хоть чему-то научились.

И действительно, на следующий день полк зашевелился, как муравейник. Отобрали человек триста, тех, кого считали поопытнее, и в первую очередь уже повоевавших. Кому-то присвоили «сержанта», кому – «младшего», а те, кто учились похуже и не имели образования, так и остались рядовыми. Вернее, звания такого не было, именовались они просто «красноармеец». Саня получил два медных угольника на петлицы – стал младшим сержантом.

Состоялось что-то вроде торжественного построения. Командир полка поздравил закончивших учебу, сказал, что они теперь артиллеристы и настало время применить свои знания в бою. Причин такого быстрого выпуска он не объяснял, а вопросов никто ему не задавал.

Но уже разнесся слух, что наши войска в районе Барвенково, южнее Харькова, попали в окружение. Идут сильные бои, положение складывается тяжелое. В эшелоне, который шел в сторону фронта, эти слухи обрастали новыми подробностями.

На вопросы командиры отвечали уклончиво. Сказать правду они не могли, да и сами многого не знали. Начни объяснять – обвинят в пораженчестве. Значительно позже стали известны страшные итоги боев на печально знаменитом Барвенковском выступе. Из окружения прорва-

лись 20 тысяч бойцов и командиров, погибли и попали в плен 240 тысяч. Крепко ударил маршал Тимошенко, ничего не скажешь. Правда, по своим.

Младший сержант Чистяков попал в артиллерийский полк и был назначен в третью гаубичную батарею на должность установщика. Обязанности его заключались в том, чтобы, приняв снаряд, специальным ключом устанавливать взрыватель снаряда на осколочное или фугасное действие. Он же по команде старшего регулировал количество мешочков с порохом, которые находились в объемистой латунной гильзе.

– Слышишь нормально? – спросил его командир орудия, старший сержант Пекарев.

– Так точно.

– При стрельбе слушай внимательно и о бабах не думай. Номер заряда не пропусти мимо ушей и все остальное.

– А то Семен Никитич тебе уши живо прочистит, – засмеялся подносчик, из рук которого Чистяков принимал снаряды.

Полк располагался недалеко от города Купянска, километрах в сорока от линии фронта. Приняли Чистякова неплохо, но не упускали случая напомнить, что батарея и полк уже успели повоевать, а вот чем он занимался год войны – непонятно.

– То, что ученый, хорошо, – рассуждал Семен Пекарев, здоровенный мосластый мужик лет тридцати пяти. – Но чему тебя в тылу учили это так, ерунда. Главную науку здесь постигай. Я хоть всего четыре класса закончил, но по второму разу на службу призван, и не зря меня комбат командиром орудия поставил. Вон, глянь вверх, что там летит?

Младший сержант Чистяков присмотрелся и разглядел крохотную точку.

– Чей это самолет? Наш или немецкий? – допытывался старший сержант.

– Не знаю, – откровенно признался Саня.

– А ты подумай лучше.

– Наверное, наш. До фронта далеко.

– А вот и нет, – скрипуче рассмеялся Пекарев. – Фриц это кружит. Наблюдатель «Фокке-Вульф-189», мы его «рамой» называем за двойной фюзеляж. Вертится под небесами и наблюдает, а сбить его – кишка тонка. наших самолетов мало, а зенитки на такую высоту не достают.

Подружился с наводчиком Михаилом Лыгиным. Сержант считался вторым человеком в расчете, а обязанности исполнял самые ответственные. Наведение орудия на цель, точная стрельба, выбор заряда. Пекарев ему полностью доверял, так как на командире орудия висели еще и хозяйственные вопросы.

Постоянно пополнять запас боеприпасов, следить за маскировкой. Одних лошадей было шесть, попробуй обеспечь их кормом! Двое ездовых не справлялись. Траву косили всем расчетом, народ в основном деревенский, ко всему приученный. Так что у Пекарева забот было полно.

И еще без конца рыли землю. Кроме запасного капонира дали приказ выкопать еще два плюс ровик для снарядов и вторую щель для укрытия личного состава, метра два глубиной.

– Запасная позиция, – откладывая лопату и сворачивая самокрутку, объяснял Михаил. – Когда немец поперет, тут такое начнется!

– Не приведи бог, – соглашался подносчик Роньшин Антон. – Ты такого, Санька, еще не видел. Не обкатан, как говорится, в бою.

Роньшин, вроде невзрачный, сутулый, но с узловатыми длинными руками, легко ворочал тяжелые ящики. В отличие от остальных ребят в расчете, он относился к Сане несколько свысока, мог поддеть и любил подчеркнуть:

– Присылают сержантов, а они пороха не нюхали. Учить их еще и учить.

Сам Антон Роньшин был рядовым, и повышение ему не светило – всего три или четыре класса за спиной. Хоть и немногим старше Сани, был он женат, имел двух детей. Второй родился уже без него. Роньшин ревниво относился к дружбе наводчика Лыгина с новичком

и к тому, что тот обучает его работе с прицелом. Еще большую ревность у Антона вызвало то, что, когда Сане доверили прицел, он довольно метко отстрелялся по вражеской разведке.

– Ты меня бы лучше поучил, – как-то не выдержал подносчик. – Я и в боях побывал, и пушку получше Саньки знаю. Неизвестно, как он себя в бою покажет.

Но уравновешенный, немногословный Миша Лыгин, с отличием закончивший еще в сорок первом учебу в артполку, не реагировал и продолжал учить Чистякова хитростям наводки. А Гриша служил в соседней, второй, батарее.

С утра налетела шестерка «Юнкерсов-87». Впервые видел Чистяков эти остроносые массивные самолеты, с изогнутыми широкими крыльями и торчавшими, как шпоры, шасси. Отчетливо выделялся оранжевый кокпит впереди винта и массивный радиатор. Самолеты выстраивались в круг, готовились сбрасывать бомбы. Саня, как замороженный, смотрел на них, не заметив, что весь расчет уже бежал к защитной щели.

– Санька, – кричал Пекарев – А ну сюда!

Щель за последние дни углубили, как знали, что будет налет. Они случались и раньше. То пикировала пара стремительных «мессеров», то летели куда-то с натужным завыванием тяжелые двухмоторные «хейнкели», но батарею и дивизион не трогали. Или спасала хорошая маскировка, или оставляли на закуску. Эти шесть пикировщиков явились по их душу.

Первая бомбежка врезалась в память жутким воем сирен и последующим грохотом. Вдруг наступили сумерки. Земля тряслась, затем ее снова толкнуло изнутри, и мощный удар подбросил Чистякова на полметра. Перед глазами мелькнули чьи-то стоптанные ботинки. Лежавшего поблизости бойца тоже подбросило, ноги в коленях согнулись и со стуком врезались носками ботинок рядом с головой Чистякова.

Он то открывал, то закрывал глаза. На какой-то момент все окрасилось красным цветом от близкой сильной вспышки. Стены узкой щели тряслись, сыпались вниз комки земли и мелкая пыль. Прямо на ногу соседу в ботинках с обмотками свалился ком размером с футбольный мяч. Человек вскрикнул, и Саня узнал голос Антона Роньшина.

«Убьют», – мелькнула мысль, а через минуту в голове уже не оставалось ничего, кроме ужаса. Грохнуло так, что заложило уши, затем снова подбросило и перевернуло на бок. Саня невольно сжался, подтянув колени к животу. Знал, был уверен, что сейчас наступит его черед.

Он словно видел летевшую прямо в их щель бомбу, спасения от которой не будет. Торопясь опередить смерть, Чистяков поднялся на четвереньки, желая выскочить из щели, похожей на могилу. Сумел еще приподняться, но стенка окопа, как живая, ударила его и снова опрокинула вниз. Маманя, как страшно, спаси... Через минуту тело будет разорвано, и все кончится.

Он пытался кричать, но горло забило или ссохлось от страха. Вылетало какое-то шипение. Долго ли все это длилось, Саня определить не мог. Наступила тишина. Он стал подниматься, но послышался треск пулеметов, и младший сержант Чистяков снова вжался в землю.

Вылезали друг за другом, качаясь, как пьяные. Саню вдруг затошнило, он согнулся, но из пустого желудка текла лишь тягучая зеленая слюна. Кашлял и никак не мог откашляться еще один боец, который обычно приносил ящики со снарядами. Роньшин сидел на бруствере и разматывал обмотку.

Тяжелый ком земли мог перебить ногу, но оказался рыхлым и оставил лишь красное пятно на голени, которая основательно распухла.

– Меня в санчасть надо, – с усилием проговорил Антон. – Ранен, кажись... слышь, Семен?

Пекарев ощупал ногу и сказал, что перелома нет. В полковую санчасть отправят попозже, сначала надо оглядеться. Все вокруг изменилось, стало каким-то серым и блеклым. Свежая июньская трава была покрыта слоем размельченной земли. В нос шибал кислый дух сторовевшей взрывчатки.

Шагах в сорока от капонира виднелась воронка. Саня подошел поближе. Она была глубокая, метров в пять в ширину, и продолжала дымиться. Чистяков уставился на нее как замороженный, шарахнула бы бомба поближе, завалила бы щель. А если прямое попадание? Снова подкатил страх. Его окликнул Пекарев:

– Иди сюда, чего рот разинул?

Расчет суетился вокруг капонира, заново натягивали маскировочную сеть, выгребали осыпавшуюся землю, ровняли бруствер. В извилистом отсечном ровике хранился небольшой запас снарядов, ящиков пять-шесть.

Их частично засыпало землей. Один из ящиков был пробит двумя пулями. Открыли крышку и увидели след пули, которая ударила в снаряд, выбила щербину глубиной в полсантиметра и ушла рикошетом, вывернув боковую доску. Подошел Семен Пекарев, приказал:

– Отнесите снаряд вон в ту яму и закопайте. Для стрельбы он не годится.

– Мог ведь взорваться, – сказал Саня.

– Мог. Если пуля крупнокалиберная, во взрыватель ударила бы или гильзу с порохом подожгла, – согласился старший сержант, внимательно посмотрел на Саню и добавил: – Ты ничего себя вел, без паники. Так и надо. Зачем вставал только?

– Оглядетесь, – ответил Чистяков первое, что пришло в голову. Не говорить же, что ничего не соображал от страха и грохота.

– Ну-ну, – неопределенно хмыкнул Пекарев.

Их батарее повезло. Но в соседней батарее разбило гаубицу, а расчет другого орудия, укрывшийся в защитной щели, завалило землей. Чистякова послали вместе с другими помочь соседям.

– Глянешь, каково нам приходится, – сказал вслед Антон Роньшин с непонятной злобой.

Он сидел на дне капонира, прислонившись к стенке, и курил самокрутку. Правая штанина была подвернута, ботинок и обмотка сняты. Виднелась распухшая, покрасневшая голень. Подносчик ждал, когда ему помогут добраться до санчасти.

От одной из гаубиц в соседней батарее осталась грудка железа. Оторвало колеса, скрутило щит. Чистяков увидел на погнутом массивном стволе борозду. Видимо, осколок вырвал кусок металла, а от высокой температуры борозда сплавилась и снова загустела фиолетовой бугристой массой.

Но самое страшное ждало Чистякова впереди, когда откопали засыпанную защитную щель. Наружу извлекли расчет, семь человек во главе с командиром гаубицы. На мертвых телах отсутствовали раны, но всех сплющило, словно гигантским прессом. Кожа на лицах стала синюшно-желтого цвета, у некоторых вытекло немного крови из носа или ушей.

Врач из санчасти полка быстро прослушивал их одного за другим, щупал пульс, переходил к следующему, а санитары накрывали тела плащ-палатками. Саня встретил земляка – Гришу Вольнова. Тот странно улыбался, кривя лицо и губы.

– Представляешь, у нас пушку разнесло, а мы все уцелели. Этот расчет погиб, а гаубица целехонькая. Наверное, нам их пушку отдадут. Вот ведь как бывает. – Помолчав, Гриша пожаловался: – А я вещмешок в капонире оставил, разорвало. Там пара белья и портянки новые. Жалко...

Наверное, Гришка сам не понимал, что говорит.

– Ты водички выпей, – отстегнул флягу Саня. – Полегче будет.

– Выпью, – обрадовался Вольнов. – Горло печет.

Врач, молодая женщина-лейтенант, закурив папиросу, разговаривала с командирами.

– Бомба защитную щель просто сплющила. Врезалась глубоко, толчок сильный получился.

Все поглядели на воронку от фугасной стокилограммовки. Она была действительно глубокой и правильной круглой формы. От воронки отходили несколько ломаных трещин – лопнула земля.

Всего в дивизионе погибло человек десять, а в полку, по слухам, более сорока. Легкораненные и контуженные шли в санчасть, а тех, кто пострадал сильнее, отправляли на подводах в санбат. На каждой лежали по два-три человека. Их уже перевязали, но Саня заметил, как сквозь солому из ближней подводы сочится клейкими каплями кровь.

Вечером хоронили погибших. Построили весь полк. В яму укладывали тела, завернутые в плащ-палатки, куски брезента, старые шинели. Более-менее сохранившуюся военную форму и обувь (в основном ботинки) снимали. Торчали желтые пятки и концы кальсон с обрывками штрипок.

Комиссар полка произнес речь, треснули три залпа из карабинов, и все торопливо стали расходиться. Михаил Лыгин, покусывая травинку, шел рядом с Чистяковым. Зло обронил:

– Не то что воевать, хоронить не научились! Разули, раздели и как попало в одну яму свалили. У немцев каждому убитому могилу роют, крест с табличкой ставят и каску вешают, в которой он воевал. А тут пирамидку из дощечек кое-как сляпали одну на всех. Вечная память героям! Пирамидку и бугор до зимы дождями смоем, как и не было этих ребят на свете. А в яму сорок человек уложили. Не во всякой деревне столько мужиков наберется.

Мимо прошел командир взвода, из недавно прибывших младших лейтенантов. Хотел что-то сказать, но промолчал. Для взводного эта бомбежка была тоже первой. До него доходили слухи, что немецкая авиация практически хозяйничает в небе. Он считал эти слухи преувеличением – судя по газетным сообщениям, отважно воюют и бьют врага наши ястребки. Но ни один из них в небе не появился, а шестерка одномоторных «юнкерсов» загнала в укрытия целый полк. Сорок человек похоронили, а сколько увезли раненых! Бои еще не начались, и уже такие потери.

Ждали немецкого наступления. Про харьковский разгром помалкивали. Везде дела шли плохо. Немцы напирали, в воздухе появлялись только их самолеты. Из санчасти вернулся Роньшин, старательно прихрамывал, даже просился у взводного перевести его в ездовые, но тот отказал. Семен Пекарев раздраженно заметил:

– Ты радуйся, что не в полковую артиллерию попал. Те на переднем крае стоят вместе с пехотой, а мы худо-бедно на километр-два позади. Какого рожна тебе еще надо?

Ранним утром полк подняли по тревоге. Было еще темно. На юго-западе быстро и коротко вспыхивали зарницы, явственно доносился гул канонады.

– Кажись, началось, – нервно потирал руки Пекарев. – Слушай, Михаил, если тебя ранят, Саньку Чистякова к прицелу можно ставить?

– Можно. Он подучился, думаю, потянет. Глаз у него острый.

– Слышал, Чистяков?

– Так точно. Только зачем так сразу? Почему Михаила ранить должны?

– Потому что война! – крикнул обычно сдержанный старший сержант. – Никто не застрахован. Может, я к прицелу встану, а может, тебе придется.

– Слушаюсь.

Никто на батарее, а может, и в полку не знал, что именно в этот день, 28 июня 1942 года, началось мощное немецкое наступление. Главный удар наносился восточнее Курска в направлении Воронежа. В дальнейшем планировалось продолжить наступление на юг вдоль Дона, и уже маячило в штабных документах слово «Сталинград».

Дивизия, а вместе с ней артиллерийский полк приняли бой на следующее утро. Огонь вели с закрытых позиций, получая данные от командиров взводов управления, наблюдателей.

Они находились вместе со своими разведчиками и телефонистами на переднем крае и передавали оттуда координаты целей.

– Прицел сорок пять, угол такой-то, – слышал Чистяков обрывки команд. – Фугасным, огонь!

Соседнее орудие вело пристрелку фугасными снарядами, которые поднимали при разрыве высокий столб дыма. После четырех-пяти пристрелочных выстрелов открыла огонь вся батарея. По цифре «сорок пять» Чистяков понял, что до цели около двух с половиной километров.

Расчет действовал слаженно. Даже Антон Роньшин забыл про свою больную ногу и покрикивал на Саню, который быстрыми движениями ключа поворачивал взрыватель на фугасное действие.

– Живее, живее, – нервно подмигивал он, подавая Чистякову тяжелый снаряд. – Не иначе, как по танкам и броневикам лупим.

Затем последовала команда ставить взрыватели на осколочное действие. Чистяков понял, что бьют по вражеской пехоте и легким полевым пушкам. Орудие сделало выстрелов семьдесят, увеличивая дальность прицела. Неужели гоним фрицев!

Объявили отбой. Выкидывали из капонира стреляные гильзы, выгружали из повозок ящики со снарядами. К Пекареву подошел комбат Ламков, с биноклем на груди, весь запыленный, с планшетом и пистолетной кобурой на поясе.

– Как там дела впереди? – спросил старший сержант.

– Пока позиции держим.

– Танки наступали?

– Скорее разведка.

– Подбили кого?

– Подбили, подбили, – уже с ноткой раздражения ответил комбат. – Смотри за воздухом, Семен. Чую, налетят твари, а орудия – без маскировки.

– Сейчас наведем порядок.

Срочно принялись обновлять маскировку. Сети были старые, расплзались, набрасывали сверху охапки травы, срубленные молодые деревья и ветки. Часть орудий, в основном «трехдюймовки», куда-то перебросили. Стрельба приближалась. Приказали выделить по четыре человека от батареи и занять позиции впереди на случай прорыва вражеских мотоциклистов.

Автоматы в полку имелись только у разведчиков, и дозор был вооружен карабинами. Правда, в обозе скопилось достаточно противотанковых гранат. Выдавали штуки по три-четыре на человека. Уходящие навстречу выстрелам и пулеметным очередям артиллеристы не слишком рассчитывали на свое слабое вооружение. Оглядываясь, кричали:

– Если что, поддержите огнем, братцы!

– Поддержим, – отвечали им.

Сводный взвод проводил помощник комиссара полка по комсомолу, высокий, спортивно сложенный политрук. Думали, что он останется со взводом боевого охранения, где командиров, кроме сержантов, не было. Но политрук (три кубика на петлицах – старший лейтенант) вскоре вернулся. Шел торопливо, словно его дожидались важные дела. За плечом висел автомат, на поясе – кобура с пистолетом, фуражка была надвинута на лоб.

– Зассал политрук, – сплюнул Пекарев. – Хоть бы автомат ребятам оставил.

– Глянь, как торопится! Во хмырь.

Метрах в трехстах впереди поднималась пыль. Там торопливо окапывался взвод охранения.

– Много они навоюют, – сказал Лыгин. – Хоть бы один пулемет на всех. А гранаты полтора килограмма весят, ими только рыбу глушить.

Чистяков, несмотря на свой невеликий опыт, тоже знал, что сильные противотанковые гранаты РПГ-41 эффективны лишь в засадах, в населенных пунктах, среди домов. Но только не в степи с редкими перелесками и островками кустарника.

Дуру, весом полтора килограмма (их прозвали «ворошиловские килограммы»), дальше, чем на десять метров, из окопа не бросишь. Вставать в полный рост нельзя, пулеметы срежут. А пропускать, как учили, танк через себя и швырять гранату под задние гусеницы или на трансмиссию вряд ли у кого хватит выдержки.

Остаток дня прошел почти спокойно. Дважды налетали парами «мессершмитты», сбросили несколько бомб и прострочили позиции из пушек и пулеметов. Кого-то убили, несколько человек ранили, но большинство воспринимали потери равнодушно.

Люди были напряжены. Впереди стояла недобрая тишина, зато на юго-востоке гремело и ухало. Что это значит, понимали все. Немцы, совершив обход, продвигались вперед. Уже в сумерках заметили группы людей, спешно шагавших мимо.

– Драпают, – сказал Лыгин.

– Жизни свои спасают, – поправил его Роньшин. – Если бы оборону организовали как следует, то и люди не бежали бы.

Некоторые с ним согласились. На всякий случай выставили караулы вокруг позиций полка, в котором осталось два неполных гаубичных дивизиона. Ждали наступления рассвета.

Батарея снова вела беглый огонь. Командир взвода управления, который обычно находился на переднем крае и корректировал огонь, получил тяжелое ранение. Теперь ведением огня командовал лично комбат Ламков. В таких ситуациях быстро проявляется человеческая натура.

Ламков мог послать одного из командиров огневых взводов, но оба младших лейтенанта были еще неопытные, и капитан отправился на передний край сам и передавал оттуда координаты вражеских целей. Затем связь прервалась. Куда стрелять – непонятно. Послали на линию одного, второго связиста, оба не вернулись.

На соседней батарее тоже ничего толком не знали. Но и без того угадывалось, что немцы пробили брешь в обороне. Первыми снялись тыловые подразделения. Десятки повозок торопились убраться подальше. Затем появились группы красноармейцев. Они бодро шагали мимо, бросив шинельные скатки, противогазы и остальное, что казалось им лишним. Правда, большинство шли с винтовками, другого оружия Чистяков не заметил.

Пара «мессершмиттов» пронеслась над людьми. Бомбы они уже израсходовали, но пулеметные и пушечные трассы настигали бегущих. Боезапас «мессера» – тысяча патронов на пулемет и сотни две-три снарядов на каждую авиапушку.

Люди падали один за другим, метались, пытаясь спрятаться в островках кустарника и среди редких деревьев. Попутно оба самолета прошли над батареей и обстреляли орудия.

Вернулся на лошади комбат Ламков, вместе с ним прибежали двое наблюдателей и телефонист. Командир полка приказал готовиться открыть огонь прямой наводкой. Ездовые сбрасывали ящики со снарядами и очень торопились.

– Эй, вы, – крикнул Ламков. – Не вздумайте удрать!

– Нет, мы вон в том перелеске спрячемся.

Затем появились мотоциклисты. На большой скорости, стреляя из пулеметов, они сделали полукруг, определяя артиллерийские позиции. Взвод охранения ответил им огнем из карабинов. Залегла и открыла винтовочный огонь пехотная рота, отступающая более-менее организованно. Ахнула, пытаясь достать вражескую разведку, одна из гаубиц.

– Не стрелять! – кричали командиры, выполняя приказ комполка.

Возле гаубиц спешно рыли окопы группы красноармейцев. Бегство удалось остановить, на прямую наводку установили остатки батареи «сорокапятков», три пушки. Организовать оборону на новом месте толком не успели – появились танки.

Их было пять или шесть, и шли они быстро, стреляя на ходу из орудий. Одновременно вели огонь несколько минометов. Их сгрузили с бронетранспортеров, которые двигались за танками. Снаряды и мины рвались вокруг капониров. Гаубицы, а следом «сорокапятки» открыли огонь.

Удалось подбить один из бронетранспортеров, но танки шли вперед, словно заговоренные. Не выдержав, выскочили артиллеристы из окопов боевого охранения. Приказ на отход им вовремя не дали, и убежали они под пулеметным огнем.

Почти все остались лежать на поле, лишь трое или четверо нырнули в окопы. Наконец накрыли взрывом один из танков. Он стал отползать назад, рыская из стороны в сторону. Его добила «сорокапятка», порвав гусеницу, а затем подожгла. На неполную батарею легких противотанковых пушек, едва заметных среди бугров и травы, двинулись сразу два танка.

Это были тяжелые Т-4 с короткими 75-миллиметровыми пушками. Мелкие снаряды «сорокапятков» рикошетили от брони панцеров, но расчеты упорно продолжали стрелять. Артиллеристы не успели вырыть окопы для своих пушек. Взрывы осколочных снарядов выбивали расчеты, прямое попадание разнесло одну из «сорокапятков».

Оставшиеся в живых артиллеристы стали разбегаться, когда до танков осталось всего ничего. Обе оставленные пушки были раздавлены, вмяты в землю, вместе с тяжелоранеными. Пулеметные очереди валили бойцов одного за другим. Но танкистам этого было мало. Тяжелые машины догоняли убежавших артиллеристов. Лейтенант взмахнул пистолетом, то ли собираясь застрелиться сам, то ли стрелять в немецкие танки. Его сбили, сплющили в плоский комок.

Еще двое-трое артиллеристов угодили под узкие гусеницы двадцатитонных машин. Принимая мучительную смерть, с раздавленными ногами, животами, люди кричали так, что заглушали взрывы и выстрелы.

Бойцы помоложе, из гаубичных расчетов, оцепенели, не представляя, что такое может происходить. Но их быстро приводили в себя опытные, уже повоевавшие артиллеристы, гнали на свои места.

Гаубицы били прямой наводкой. Теперь танковые снаряды летели в них, а пулеметные очереди, как долото, долбили щиты. Кто-то упал с простреленной головой, рядом ворочался боец с перебитыми руками. Но остановить обозленных артиллеристов, видевших, что произошло, было уже невозможно. 122-миллиметровый фугас вышиб ведущее колесо и сорвал гусеницу головного танка.

Следующий снаряд взорвался под брюхом, встряхнув тяжелую машину. Из боковых люков выскакивал экипаж в блестящих черных шлемах и исчезал в траве. Гаубица, которой командовал Семен Пекарев, вела огонь по второму Т-4. До него оставалось не более трехсот метров, и старший сержант нервничал:

– Михаил, ты как целишься? – кричал он. – Дай я.

– Не лезь, – огрызнулся Лыгин, накручивая рукоятку горизонтальной наводки.

Снаряд с воем прошел над щитом орудия, взорвался позади капонира.

– Мама... – ахнул подносчик, съездившись у ящиков с боеприпасами. – Сейчас прибудут нас.

В танк угодил снаряд соседней гаубицы. Броню не пробил, но сильный взрыв остановил машину, перекошил башню. Лыгин, не дожидаясь команды, дернул за шнур. Удар пришелся в плоскую лобовину, дополнительно защищенную запасными звеньями гусениц.

Куски гусениц брызнули в разные стороны, вмятая броня треснула. Оглушенные, контуженные танкисты выскакивали один за другим. Этому экипажу не повезло. С расстояния ста

шагов их расстреливал из «дегтярева» восемнадцатилетний пулеметчик, белобрысый, поте-
ривший, пока бежал, каску вместе с пилоткой, но не бросивший до последнего свое оружие.

Еще минуту назад он не надеялся на спасение. Лежал на траве, обреченно понимая, что
встать нельзя. Срезают из танковых пулеметов или наматывают на гусеницы. Теперь он быст-
рыми очередями свалил одного за другим троих фрицев.

Танк добивали сразу две гаубицы: Пекарева и соседняя, в расчете которой находился
земляк Чистякова, Гриша Вольнов.

Машина горела, превращаясь под ударами тяжелых снарядов в горящую грудку металла.
Пока со злостью долбили этот панцер, прозевали опасность с левого фланга. Более легкий,
маневренный Т-3 накрыл снарядом расчет крайней гаубицы и приближался к орудью Пекарева.
Немного отставая, шел бронетранспортер и вел непрерывный огонь из двух пулеметов.

– Разворачивай орудие, мать его! – кричал старший сержант.

– Не успеем!

– А я говорю, разворачивай!

Всем расчетом выдержали сошки и повернули махину весом две с половиной тонны в
нужную сторону. Танковый снаряд пробил верхний край щита. Людей спасло то, что взорвался
он за капониром, да и калибр был невелик – 50 миллиметров. Осколки разлетелись над голо-
вами. Но очереди двух пулеметов густо ударили вслед, свалили с ног подносчика и своим ляз-
гом о металл заставили расчет пригнуться.

Лыгин выстрелил снова, Т-3 откатился в низинку, и снаряд прошел мимо. Лихорадочно
загоняли в ствол очередной. Бронетранспортер молотил, как в пустое ведро, из крупнокали-
берного пулемета. Щит звенел от попадания тяжелых пуль. Шлепнуло, словно ударило палкой
по мешку с чем-то мягким.

Старший сержант Пекарев свалился возле колеса, зажимая плечо. Михаил Лыгин послал
очередной снаряд, заставив бронетранспортер на скорости вильнуть в сторону.

– Заряжай. Быстрее!

Но как ни быстро действовал расчет, меньше чем за 10–12 секунд гаубицу не перезаря-
дишь. А тут еще играют нервы. Боец, доставая из ящика снаряд, уронил его. Роньшин с матю-
гами рванул снаряд к себе, передал Чистякову.

Ключ был сейчас не нужен. Бей любым зарядом, лишь бы не опоздать! Заряжающий,
крепкий кудрявый парень успел загнать снаряд, следом гильзу и, дернувшись, свалился на
утопанную землю. Выползший из низины Т-3 встретили фугасом.

Расстояние было небольшим, но Лыгин стрелял сегодня плохо. Снаряд, который мог раз-
валить танк, лишь задел высокую командирскую башенку, сорвал крышку и ушел рикошетом
в сторону. И все же сильный, хоть и неточный, удар сбил танкистам прицел.

Ответный снаряд прошел мимо, а сам Т-3 в очередной раз нырнул в низину. Мимо про-
бежали двое разведчиков со своим командиром, все трое были обвешаны противотанковыми
гранатами. Лыгин выпустил следующий снаряд в поврежденный бронетранспортер, который
крутился на месте и вел непрерывный огонь.

Взрыв разметал длинный, как свиное рыло, кожух двигателя и бронированную кабину.
Взметнулся язык пламени с черным грибом дыма наверху. Из грузового отсека выпрыгивали
солдаты, вывернутый пулемет торчал стволом вверх. Раненый пулеметчик перевалился через
борт и упал возле гусениц.

Разведчики швыряли гранаты в Т-3, тот огрызался очередями и отползал прочь. Навер-
ное, надо было стрелять по танку, но Лыгин сгоряча всадил еще один снаряд в грузовой отсек.
Там уже никого не оставалось. Вырвало кусок брони и подбросило смятый пулемет.

Шарахнули вслед танку, но опоздали. Он отступал слишком резво. Тогда, повернув
ствол, врезали по убегающему экипажу бронетранспортера. В спешке стреляли не осколочным,

а фугасным снарядом. Раскидало в разные стороны двоих солдат в голубых френчах, одному, кажется, оторвало ноги.

Остальные, шесть или семь, грамотно отступали, прикрывая друг друга автоматными очередями. Снаряд, пущенный вслед, никого не задел, группа исчезла в кустарнике. Раненый пулеметчик отползал от горящей машины. Сумел даже встать и, шатаясь, сделать несколько шагов.

Миша Лыгин дергал зацепившийся за что-то карабин. Крикнул Чистякову:

– Стреляй, чего смотришь?

В пулеметчика пальнули оба одновременно. Попали. Немец, очень хотевший выжить, продолжал медленно переставлять ноги, оглядываясь назад. Понимая, что не сумеет спастись, поднял вверх руки.

– Поздно, сучонок. Забыл, как наших на гусеницы наматывали? Жри!

Лыгин выстрелил еще раз, и пулеметчик упал. Следом подхватили карабины Роньшин и один из подносчиков. Стреляли в шевелившегося возле Т-4 танкиста, в убегающих пехотинцев, в перевернутый мотоцикл.

– Стой, – опустил дымящийся ствол Михаил Лыгин и, будто только сейчас, увидел лежавших товарищей.

Семен Пекарев, командир орудия, умирал. Санитар перевязал его, но крупнокалиберная пуля, пробила легкие. Он истекал кровью. Заряжающий был убит наповал пулей в лицо. Контуженный близким взрывом, один из подносчиков снарядов сидел, привалившись к брустверу. Его увели в санчасть. Кинулись за трофеями. Лыгин, заменивший командира, пытался остановить людей, но в азарте его не слышали.

Принесли два автомата, консервы, десяток гранат с длинными, удобными для броска ручками. Жаловались, что достались одни наручные часы, и вопросительно смотрели на Лыгина. Ему часы были нужнее всего, но он ничего не сказал и, отвернувшись, приказал Чистякову:

– Сосчитай снаряды.

Глава 3. Окружение

Остались в строю всего восемь гаубиц. Погибли оба командира гаубичных дивизионов, тяжело ранили комполка, и на его место был назначен командир батареи Ламков как наиболее опытный из офицеров. Думали, возглавит людей комиссар, званием намного выше. Но комиссар вместе со своим помощником по комсомолу возился в блиндаже с документами и командовать не рвался.

Часть пехоты исчезла неизвестно куда. Остатки стрелкового полка спешно окапывались неподалеку от оружейных позиций.

Политрук вылез из блиндажа и, поглядывая в небо, стал считать вражеские потери. Догорали три танка и бронетранспортер. В качестве трофея кроме стрелкового оружия достался легкий чешский танк с разбитой ходовой частью, но исправным орудием и двумя пулеметами.

Возле него возились бойцы. Кто-то предложил вырыть капонир и оборудовать бронированную огневую точку. В машине оставалось довольно много снарядов и патронов к пулеметам. Подошел подполковник, командир пехотного полка, оглядел суетившихся бойцов, политрука с открытым планшетом. Приказал повернуть башню, но ее от удара заклинило, она едва сдвигалась градусов на тридцать.

– Пулеметы снять, собрать патроны. Танк взорвать, – отрывисто командовал подполковник, а затем спросил политрука: – Что пишете, стихи, что ли?

– Никак нет, – растерянно заулыбался тот. – Подсчитываю вражеские потери.

– Большие потери-то?

– Три танка и бронетранспортер. Вот этот танк четвертый. Фрицев убитых почти полсотни.

– Значит, крепко шарахнули по врагу?

– Ничего, – осторожно ответил помощник по комсомолу.

– А наших не посчитал? Вон те, которые в степи лежат.

– Я ведь из арtpолка. Своих мы посчитали.

– А эти, значит, чужие. Соседний стрелковый полк начисто выбили. У меня меньше половины людей осталось. Это уже сколько тысяч наберется? А ты шляешься со своим планшетом, три танка да взвод фрицев все считаешь. Иди, делом займись.

– Так точно, товарищ подполковник, – козырнул политрук и рысцей побежал к своему блиндажу.

Артиллеристы тоже понесли немалые потери. Все двенадцать трехдюймовых пушек по приказу командира дивизии были переброшены на передний край и, скорее всего, погибли в бою с прорвавшимися танками.

Из двадцати четырех гаубиц четырнадцать были разбиты. Еще две, получившие повреждения, вернули в строй, наскоро починив. Хоть и без прицелов, они могли вести огонь.

Восстанавливали, углубляли капониры, засыпанные землей, выкапывали ящики со снарядами возле обломков гаубиц, а рядом с ними тела погибших. Их было много. Саня уже начинал привыкать. Оттащил, взяв под мышки, мертвое тело артиллериста, мешавшее поднять ящик со снарядами.

Антон Роньшин взвалил на плечо ящик, а Чистякова позвал земляк, Гриша Вольнов. Перехватил его напряженный взгляд, уставившийся в одну точку. На земле лежали два снаряда, ящик развалился, а на боеголовках и гильзах лежал непонятный комок, смешанный с землей, обрывки веревок, почему-то розовых.

Это были внутренности разорванного на части артиллериста. У Сани подступила к горлу тошнота, он с трудом сдержался, подобрал доску от ящика и сгреб комок в сторону.

– Бери один снаряд, я – другой.

Голос не повиновался, вырывалось шипение. Волынов его понял, осторожно поднял снаряд, стараясь не глядеть на буро-зеленые потеки на гильзе, понес свою ношу к временному складу.

– Под ноги гляди, – окликнул его Роньшин. – Распустил слюни.

Погибших артиллеристов похоронили, углубив одну из воронок. На этот раз одежду и обувь не снимали. Не до того. Да и оставшиеся в живых не подпустили бы трофейщиков к телам. Треснули три прощальных залпа, и люди разошлись по местам.

В батарее, где служил Чистяков, остались всего две гаубицы. В нее включили остатки соседней батареи, там уцелело всего одно орудие. Гриша Волынов, подавленный увиденным, оживился, что находится рядом с расчетом Сани Чистякова, который после смерти Пекарева исполнял обязанности заместителя командира орудия.

Ребята помоложе храбрились, хотя похороны произвели тягостное впечатление. Некоторые нацепили трофейные штык-ножи в ножнах, кое-кто носил за плечами автоматы. Переговариваясь, показывали на сгоревшие немецкие танки – мол, крепко врезали фрицам.

Бойцы постарше их оптимизма не разделяли. Почти всех лошадей в батарее забрали для вывоза раненых. Лыгин сомневался, что они вернутся обратно, и приказал бдительно охранять оставшихся пять лошадей. А что с них толку? В лучшем случае они сумеют вывезти лишь одну пушку.

Капитан Ламков обходил десять уцелевших гаубиц полка, заставлял людей закапываться как можно глубже. Когда-то новенькие свежепокрашенные орудия были избиты осколками, краска на стволах сгорела, щиты испещрены вмятинами, некоторые погнуты. На одной из гаубиц кусок щита был вырван, из колес торчали лохмотья резины.

Но, что хуже всего, была нарушена хорошо выстроенная система обороны. Десять орудий защищали участок, на котором еще вчера находились двадцать четыре гаубицы и двенадцать «трехдюймовок». Оставшиеся орудия стояли, как островок в степи. Пехота окапывалась где попало, образуя подкову, которая прижималась к артиллеристам.

Их можно было понять. Пехотинцы видели в тяжелых орудиях свою единственную защиту. Из легкой артиллерии остатки двух потрепанных полков имели батарею короткоствольных «полковушек» и несколько «сорокапятков», эффективных лишь на близком расстоянии. Оставались еще противотанковые ружья, на которые надежды было совсем мало.

Капитан Ламков, неожиданно для себя ставший командиром артиллерийского полка (всего-то десять стволов!), озабоченно всматривался в небо.

– Вряд ли танки сегодня снова полезут, – сказал он в разговоре с Лыгиным. – Не захотят потери нести. А вот авиация что-то запаздывает. Наверняка с воздуха добить попытаются.

Это понимали и остальные. Действительно, через час появились два легких самолета-разведчика «Хеншель-126» с широкими крыльями над кабиной. Выглядели они как-то несерьезно: часть радиатора и киль были окрашены в ярко-оранжевый цвет. На всю высоту фюзеляжа был нарисован огромный черно-белый крест.

– Гля, циркачи прилетели! – крикнул кто-то из пехотинцев.

Медленно летевшие самолеты действительно не казались серьезной опасностью. Вымещая злость за погибших, по ним открыли дружный огонь из ручных пулеметов и винтовок. «Хеншели» резко увеличили высоту до километра, не спеша, сделали круг, а затем сбросили десятка полтора бомб.

Скорее всего это были двадцатипятикилограммовки. Мелочь по сравнению с мощными бомбами «юнкерсов», но остатки полков и батальонов плотно сбились на довольно малой территории, и «циркачи» ударили точно.

Разбило одну из гаубиц, накрыло линию окопов, по полю металась сорвавшаяся с привязи лошадь. Поднялась густая завеса дыма. Пользуясь ею, оба «хеншеля», не жалея патронов, обстреляли позиции и скрылись так же быстро, как и появились.

Две лошади бежали неподалеку от батареи. Ламков приказал Чистякову и Роньшину поймать их. Оба парня были сельские, имевшие дело с лошадьми с детства. Быстро, без суеты пригнали напуганных животных кусочками хлеба. Похлопывая по холке, успокаивали лошадей:

– Все, улетели гады. Домой пойдем.

По пути к батарее откуда-то возник старшина с двумя красноармейцами.

– Мы из хозчасти дивизии, – объявил старшина. – Лошадей реквизируем согласно приказу командира.

Будь это еще вчера, Чистяков, наверное, безропотно отдал бы поводья. Все же старший по званию. Но бомбежка, жестокий бой, гибель товарищей многое изменили в нем.

– Пошли, Антон, – не обращая внимания на старшину, скомандовал Саня. – У нас свой командир, а лошади – наши.

Старшина передвинул с плеча автомат, даже щелкнул затвором. Младший сержант в ответ снял карабин и тоже двинул затвором.

– Неподчинение старшим начальникам, – начал было тыловик, но Чистяков крикнул так, что невольно отступил Роньшин.

– Пошли вон! Я по фашистам стрелял, пока вы в тылу околачивались, – и может, впервые в жизни заматерился в три этажа, брызгая слюной, с трудом сдерживая желание нажать на спуск. Так матерились пьяные мужики в его селе, ругаясь друг с другом из-за покосов или одурев от самогона.

– Гляньте, сколько погибших лежат, а вы хвосты в норах спрятали и теперь лошадей ищите, чтобы удрать побыстрее!

Возле ближнего перелеска суетились люди, выгоняли груженные повозки. Тыловая часть после бомбежки спешно меняла дислокацию, а может, просто удирала. Старшина был одет в добротную суконную форму, в яловых сапогах, и, судя по всему, занимал неплохую должность. Двое артиллеристов в старых ботинках, прожженных гимнастерках были для него никем – замызганной «махрой», как иногда называли свысока рядовых красноармейцев.

Но следы боя, догоравшие танки и нервно дергающееся лицо сержанта-артиллериста не на шутку напугали старшину. Пальнет с дури, и все дела. Тем более оба помощника старшины нерешительно мялись и свои винтовки снимать с плеч не торопились.

– Из какой батареи? – пытаюсь сохранить остатки важности, отрывисто спросил старшина.

– Из боевой, – сплюнул Саня. – Пошли, Антон.

На том и разошлись. Если Чистяков об инциденте промолчал, то Роньшин рассказал со всеми подробностями, даже приврал, описывая, как Саня взял «чмошников» на мушку и напугал до полусмерти. Михаил Лыгин оценил решительные действия младшего сержанта Чистякова и объявил, что не зря назначил его помощником командира орудия. Капитан Ламков покачал головой, посмеялся, но сделал замечание, что целиться в своих нельзя.

– Какие они свои? – заметил кто-то из артиллеристов. – Вон, удирают всюду.

Едва батарейный повар накормил людей, как налетели самолеты. Это были знакомые всем «Юнкерсы-87» и сыпали они в основном стокилограммовки. Авиация немцев чувствовала себя в небе хозяевами. Шестерка Ю-87 дождалась, когда рассеется поднятая взрывами завеса дыма, и принялась обстреливать позиции из пулеметов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.